

ИГОРЬ КОМКОВ

КОЛЫБЕЛЬ

Игорь Комков

Колыбель

<https://litres.ru/74304742>

SelfPub; 2026

Аннотация

Колыбель — древний корабль поколений. Тысяча ярусов: наверху — те, у кого есть фамилии, семьи и статус. Внизу — мусорное дно, где люди давно стали номерами.

На 994-м ярусе найден убитый. Датчик зафиксировал: двое вошли — вышел один. Подозреваемый задержан. Косвенных улик достаточно. Через 72 часа приговор будет исполнен.

Но подозреваемый молчит. Не оправдывается. Не называет свидетелей. Не пытается спасти себя.

Дело ведут стажёрка, которой нужен жетон, и разжалованный следователь, которому нечего терять. Чем глубже они спускаются в устройство нижних ярусов, тем яснее понимают: убийство — не главное. На дне Колыбели спрятано то, чего система не должна узнать ни при каких обстоятельствах. А молчание подозреваемого — не упрямство. Это единственный способ защитить тех, кого нельзя назвать.

Игорь Комков

Колыбель

КОЛЫБЕЛЬ

Игорь Комков

Моим детям.

Глава 1. Мира.

День первый.

Утро. 11 часов после убийства.

Лифт шел вниз уже больше 15 минут. Непривычно долго.

Мира Сато впервые спускалась на такую глубину. Это был ее последний экзамен и первое дело об убийстве. Самое настоящее, не тренажер. Мира чувствовала себя неудобно, как на сцене. Она очень старалась унять охватившее ее напряжение и пыталась думать о своей экзаменационной задаче, как об обычном рабочем вызове. Правая нога начинала время от времени отбивать пяткой дробь. Миру это злило, но у нее не получалось заставить себя успокоиться.

«Скорее бы начать» — вертелось в голове. Она всеми силами старалась переключиться.

Этот экзамен был последним. И, к сожалению, он проходил в самом неприятном для нее месте из всех. Сама она никогда не полезла бы на мусорные ярусы Колыбели.

На верхних ярусах, где выросла и жила Мира, нижние

тридцать мусорных называли фронтиром и о них ходили всякие леденящие душу истории. До поступления на обучение Мира не верила этим слухам. Но учебные миссии на тренажере подтвердили, что мусорные ярусы назывались «жилимыми» условно и находиться там было опасно.

Мира вспомнила тренажер. Для учебного расследования кражи он поместил ее сознание в огромный, плохо освещенный зал, где стены и потолок не просматривались, а только угадывались в холодной дымке. Масштабы зала поражали даже в виртуальной реальности. Колоссальное безлюдное пространство со стенами стометровой высоты, заваленное горами мусора, среди которого ворочались лязгающие машины циклопического размера и неантропоморфные андрониды. Мира еле отыскала подозреваемого и поняла, что тренажер ей, скорее всего подыграл. Она увидела лишь один зал из тридцати. Один такой зал был на каждом мусорном ярусе. Между собой эти залы соединяли многочисленные ветвистые рукава, по которым роботы перемещали мусор. Этими же рукавами ходили немногочисленные жители. Лифтами они практически не пользовались. Вся эта тридцатиэтажная куча мусора была похожа на огромный муравейник с роботами вместо муравьев. Тут жили лишь ссыльные и рабочие мусорных смен.

Мира посмотрела на настенную схему. Ее цель находилась почти в самом низу: на 994-м жилом ярусе Колыбели. На шесть ярусов ниже уже начинались технические ярусы

и трюм, доступ в которые людям был закрыт. Или правильнее было бы сказать: никогда не был открыт. Туда не вела ни одна дверь и никто не имел ни малейшего понятия — что там происходит. Говорили, там нет кислорода. Говорили, гравитация там отключается секторами, чтобы машины могли легче перемещать себя и предметы. Говорили, что в трюме холодно так, что кровь становится стеклом. Людям нравилось придумывать разные легенды о том, что происходит за внешними стенами.

Используя тренажер, на виртуальных мусорных ярусах она успешно закрыла несколько дел. В реальности весь ее короткий послужной список содержал 28 раскрытых дел. Все они были расследованы на верхних ярусах. Она была стажером и ей давали легкие задания. Но наверху ничего серьезного не происходило. Только мелкие кражи, речевые преступления и редкие бартерные расчеты.

Сегодняшнее дело было настоящим. Убийство. Если она закроет это дело качественно и в срок — она наконец получит статус дознавателя. Официальный жетон. Один из ста девяноста шести на всю тысячу ярусов Колыбели. Символ персональной власти и инструмент могущества ее яруса.

Она не была выскочкой. Ее рекомендовали. Как лучшую выпускницу курса за четыре последних года. Десять лет зубрежки. Ярус выделил персональный грант. Если она провалит расследование, этот грант станет ее долгом. Это годы работы на подхвате без малейшей перспективы. Навсегда. Ду-

мать об этом не хотелось.

Система сделала все, чтобы ей помочь. Внизу ждал коллега-дознаватель, прикомандированный к ее расследованию. Правда официально дознавателем он уже не считался. У него была условная судимость и его разжаловали. Судимость лишила его жетона и обрушила рейтинг ниже нуля. Все его регалии и статусы приобрели приставку «бывший». Теперь только беспрекословное исполнение системных поручений еще сохраняло для него шанс - не лишиться фамилии и не сменить жилой отсек на спальную капсулу.

Жетон дознавателя с номером 196, который должен был достаться Мире после экзамена, раньше носил именно он.

Мира не хотела такой помощи. Она бы с удовольствием взяла с собой молчаливого андроида - стража. Но в данном случае совместное расследование было предусмотрено правилами. Жетон дознавателя передавался только от прежнего владельца — последующему. Это был дополнительный тест на профессионализм и лояльность. Для них обоих.

Все время, пока лифт опускался, она, стараясь отвлечься, разглядывала на стене истертую схему Колыбели.

Тысяча жилых ярусов. Несколько миллионов человек.

Нумерация на схеме шла сверху вниз. Верхние сто ярусов были нарисованы одним белым прямоугольником, без подробностей. Кто там живет и как — никто не знал. Попасть туда было нельзя и оттуда никто не спускался. Ходили слухи о живущих там бессмертных титанах, которые ко-

гда-то создали Колыбель и направляли ее к какой-то цели, которая была известна только им одним. Мира, напротив, вообще не была уверена, что за внешними стенами доступных ей жилых ярусов было что-то материальное. Ей казалось логичным, что запретные для людей низ и верх были одинаково сделаны из слухов. Сверху — неведомая обитель бессмертных. Внизу — техническая зона мёртвой невесомости. Между этими сказками жили все остальные.

В школе им говорили: Колыбель — корабль поколений. Несёт человечество сквозь пространство. Сохраняет его для какой-то великой цели.

Она никогда в это не верила.

Всю свою жизнь Мира видела, что Колыбель несла и сохраняла только себя. Люди просто жили на ней, как блохи на собаке. Колыбель была древней машиной. Но она не нуждалась в их услугах. Все поручения системы касались только жизнедеятельности людей, но никогда не касались самой Колыбели. Ее, скорее всего, обслуживали миллионы андронидов на технических ярусах. Но это тоже по слухам.

Сменилось уже столько поколений, что никто из живущих не знал, как Колыбель возникла и для чего существует. Учебник истории повествовал о без малого пяти тысячах лет. Рутину событий, имена, фамилии. Из интересного в учебниках можно было найти несколько вспышек религиозных культов и эпидемий. Было интересно читать как все эти вспышки были локализованы и прекращены. И больше ничего приме-

чательного. Если что-то где и происходило — в школьные учебники Миры это не попало. Учитель называл это само-достаточностью цивилизации и воплощением эффективного гомеостаза.

Мира жила в верхней, «семейной» части схемы. Нижние ярусы назывались «свободными». «Свободные» не имели семей и фамилий, только номера. Им жилось проще — на них не действовали многие ограничения, обязательные для семейных ярусов. Но при этом верхние очень боялись скатиться вниз. А нижние мечтали подняться вверх, но удавалось немногим.

Жетон дознавателя давал власть, которая признавалась на всей этой многоэтажной вертикали.

Мира посмотрела на служебный планшет и перечитала свою задачу.

Ордер был в красной рамке. В правом верхнем углу вокруг своей оси крутился череп красного цвета.

ПРОИСШЕСТВИЕ: смерть с признаками насилия.

Предварительная квалификация: УМЫШЛЕННОЕ УБИЙСТВО.

Необходимость в процедуре дознания: отсутствие прямых улик (ОТСУТСТВУЕТ ЗАПИСЬ СОВЕРШЕНИЯ УБИЙСТВА).

Смерть потерпевшего: 11 часов 04 минуты назад.

ТЕЛО НАЙДЕНО: 2 часа 11 минут назад. Дело заведено.

Место обнаружения тела: 994 жилой ярус, мусорный рукав С-2968.

Потерпевший: Сезар 47-3241-0158.

Подозреваемый: Антон 17-3253-0011.

Источник обнаружения тела: анонимный сигнал.

Дальше шел статус системной оценки:

Первичная достаточность КОСВЕННЫХ улик: подтверждена.

Первичная достаточность ПРЯМЫХ улик: отсутствует.

Рекомендуемый маршрут: упрощенная процедура социальной защиты.

Предельный срок: 72 часа с момента смерти потерпевшего.

До предельного срока: 60 часов 56 минут.

Мира напрягла память, вспоминая, что означает «упрощенная процедура социальной защиты».

Удалось вспомнить, что при достаточности косвенных улик ей нужно будет сделать совсем немного: провести быстрое расследование по горячим следам и провалидировать уже собранную системой доказательную базу. На всё отводилось 72 часа с момента смерти. Одиннадцать из них уже прошли. Мира соберет весь материал, суд системы рассмотрит дело. Он сразу же вынесет и исполнит приговор. Соци-

ум предпочитал защищать себя быстро. Без проволочек и траты ресурсов. Из фразы «достаточность косвенных улик подтверждена» следовало, что система уже собрала необходимые ей для приговора улики и уже решила для себя, кто реально убил. Но прямых улик не было. Из-за этого система требовала от следственного цеха завершить формальную процедуру доследования.

Лифт прошёл отметку 950 без остановки. На стене тикал таймер прибытия: 00:00:57.

Меньше минуты до встречи с прикомандированным. Лишний в ее деле. Он ни за что не отвечал. Ответственность за результат числилась на ней. Вся процедура, первичный осмотр, каждая строка материалов дела.

Бывший дознаватель с условным наказанием, отозванными допусками и тридцатью годами опыта. Потерявший из-за судимости свой жетон, который теперь был обещан ей. Надо только сдать экзамен.

«Представляю как он меня ненавидит» — подумала Мира.

Она снова открыла его карточку, хотя знала её почти наизусть.

Уилл Арчер. Старший штатный дознаватель 9 Следственного цеха.

Уволен в связи с утратой доверия.

Жетон №196 — отозван.

Допуск — служебный, гриф [скрыто] — отозван.

Награды — [скрыто] — изъяты.

Рейтинг — 67598 очков — обнулен.

Профессиональный рейтинг — 5547 успешных дел — обнулен.

Кредитный лимит — 128254857 кредитных очков — обнулен

По сравнению с ним она просто зеленая стажерка. Всего 28 дел.

Мира закрыла карточку. Нельзя было начинать дело с этой мысли.

Она справится. Иначе никак.

Мира выпрямилась и убрала планшет. Она только осознала, что воздух в кабине изменился. Система вентиляции не сбилась, показатели оставались в допустимом диапазоне, но начал проникать запах. Тонкий, сладковатый, химический. Запах мусора. Как будто за стеной кто-то варил в большом металлическом чане пластик с машинным маслом и подгнившим мясом, пытаясь перебить миазмы дешевым антисептиком. И стало ощутимо холоднее. Она будто очутилась в немытом годами рефрижераторе.

Мира задержала дыхание.

«Меня сейчас вырвет» — подумала она.

Мира с тоской вспомнила свой уютный белоснежный отсек с приглушенным светом и ароматной тишиной.

Лифт дернулся и остановился. Двери разошлись.

Из лифта в темноту вырвались клубы пара. Мира быстро застегнула молнию комбинезона до самого горла. Холод нижнего яруса был непривычно жестким. Это была не приятная прохлада кондиционированного воздуха. Здешний холод был сырым и промозглым.

Мира вышла в большое и плохо освещенное пространство. Со всех сторон на нее обрушился лязгающий гул. Звук шёл отовсюду. Гудело и дребезжало буквально все. Гудели стены, решётка пола, шахты над потолком, невидимые насосы и прессы. Помещение ощущалось большим, но стен не было видно. Лишь небольшая площадка перед дверями лифта и часть колонны были слабо освещены. У колонны, приклонившись боком, стоял мужчина пятидесяти лет и смотрел на Миру.

«И это жилой ярус? Как тут можно жить?» — подумала Мира.

Мужчина сплюнул на пол и оттолкнулся от колонны. Он был не особо похож на фото в карточке, но Мира узнала Уилла Арчера по левому предплечью. Штатный монитор дознавателя сняли в день приговора, но на материи левого рукава остался темный прямоугольник, усыпанный белыми точками изъятых сканеров.

Уилл Арчер выглядел непрезентабельно. Небритый, мятый, с опухшим лицом и тенями под глазами. Он стоял и ждал, держа руки в карманах.

«Он с похмелья» — поняла Мира.

Она решительно шагнула навстречу.

— Мира Сато, полевая фиксация, — сказала она. — Вы Уилл Арчер?

Мужчина кивнул. Глаза его были голубые, ясные и цепкие.

Мира подошла к нему и протянула руку.

— Вас прикомандировали к моему делу, — сказала она. — Будем работать вместе. Вы ознакомились с брифингом? Дело серьезное. Убийство.

Уилл медленно протянул руку, слегка пожал и насмешливо посмотрел на нее.

— А ты, значит, Мира Сато. Первое дело?

Мира закусила уголок рта и ответила:

— Первое в нижнем секторе. У меня 28 закрытых расследований. Настоящих, не виртуальных. Это мое экзаменационное дело. На право ношения жетона. И Уилл, сразу расставим точки над «i». Дело веду я. Вы прикомандированы как специалист по нижним ярусам и бывший дознаватель. Поэтому давайте без провокационных вопросов.

— Спасибо, что объяснила, — сказал Арчер. — А то я всю дорогу думал, зачем меня сюда притащили.

Он развернулся и пошёл к черному зеву одного из коридоров.

Мира замешкалась на долю секунды. В учебных материалах говорилось: не отдавать инициативу прикомандирован-

ному специалисту. Особенно если у него сниженный рейтинг. Но ничего не говорилось о ситуации, когда прикомандированный знает куда идти, а ты нет.

Она догнала его через пять шагов и сказала ему в спину:

— Вы же знаете, что доступ к делу у меня. Все запросы идут через меня.

— Знаю, — ответил Уилл, не оборачиваясь и продолжая шагать.

— Тогда не уходите вперёд, не предупредив.

— Ты же догнала.

Мира скрипнула зубами и сказала, глядя ему в спину:

— Я ознакомилась с вашим профилем.

Уилл подошел к двери шлюза и приложил правое запястье к панели. Шлюз не открылся. Он чертыхнулся и приложил ещё раз. Подержал. Панель подумала, обработала дополнительный запрос по допуску, помигала диодами и только потом щёлкнула. Двери разъехались.

Они прошли в темноту коридора, прерываемую частыми всполохами красного аварийного света.

— Молодец, что ознакомилась, — сказал Уилл не оборачиваясь. — Я рад. Что ты поняла?

— В смысле - что поняла?

Они шли по абсолютно пустому коридору. Мира было зябко. Влажный и смрадный воздух, казалось, проникал сквозь материал комбинезона и покрывал кожу холодным маслом. Налетающие из коридора встречные порывы сквоз-

няка заставляли тело постоянно передергиваться ознобом мурашек.

Уилл шел впереди. Мира следовала за ним.

— Вот я тебя и спрашиваю. Что ты поняла из моего досье?
— спросил Уилл на ходу.

Мира почувствовала укол совести.

— У Вас условная судимость, приговор — вечная ссылка вниз, — сказала она тише. — Запрет на контакты с бывшими фигурантами. Подозрение в коррупционных связях без доказанного извлечения выгоды. Вы даже ...

— Не перечисляй, что прочитала, — перебил ее Уилл. — Я спросил, что ты поняла. Иначе зачем ты вообще начала этот разговор?

Она замолчала на секунду. Его не уязвили ее слова. Мира подпустила в слова доверительности:

— Вы должны были знать, что я знаю. Вы потеряли все. Это по сути Ваше последнее дело. Вам тяжело сейчас и я постараюсь ...

— Ни хрена ты не поняла, — ответил Уилл. — Твоя задача: мне не мешать. Вот, что ты должна была понять.

— Я не собираюсь оспаривать Ваш опыт Уилл, — сказала Мира обычным голосом. — Но держите себя в рамках. Дело веду я. Отвечаю я. Ваша задача...

— Моя задача у меня на планшете, — ответил Уилл. — Она простая: собрать материал, закрыть дело и обучить тебя в той мере, в какой ты будешь способна научиться. Вопросы

есть?

Мира замолчала. Ее давно так никто не бесил.

Через минуту она сказала:

— Вот Вы сами стали бы подчиняться бывшему дознавателю с условным сроком, с похмелья и с отозванными допусками?

Она хотела, чтобы ее тон прозвучал вызывающе, но он прозвучал неожиданно по-детски. Мира разозлилась на себя.

Уилл не ответил. Он шел, думая о своем.

Мира ускорила шаг и теперь постаралась придать своему голосу больше холодной пронизательности. Она сухо сказала:

— Вы же нестабильны и Вам нечего терять. Запорете дело — Вам ничего не будет. Как я могу Вам доверять вообще?

— А доверять не надо, — ответил Уилл. — Надо не мешать, не умничать, больше смотреть по сторонам, замечать и учиться. И осторожнее, Мира. Ты еще не заработала право говорить мне неприятную правду в лицо, поняла?

Он говорил спокойно и без эмоций. И это бесило ее больше всего. Но как перебороть его самоуверенность она не понимала. Мира собралась духом и сквозь зубы сказала:

— Уилл, я не собираюсь под Вас подстраиваться. Мне надо разобраться и закрыть дело. Я не простая карьеристка с планшетом. Я хочу честно...

Арчер остановился. Резко, она едва не врезалась в него.

Повернулся.

— Слушай и не перебивай, — сказал он. — Я под условным сроком, без доступа. Материал валидируешь ты. Но если ты запишешь лишнюю строку не там, где надо, — система примет решение раньше, чем я успею объяснить. И тогда дело запорешь именно ты, а я покачусь вниз. А мне есть что терять. Просто ты не знаешь, что именно. Ты вообще ничего обо мне не знаешь...

Уилл закашлялся и до Миры долетел кислый дух перегара. Она поморщилась. Уилл достал из кармана какую-то таблетку, закинул в рот и продолжил:

— Ты пришла сюда за жетоном, я за отсрочкой. У нас одна цель. Но это не тренажер. Поэтому, если ты хочешь получить свой, а точнее мой бывший жетон — не спорь со мной. Ты понятия не имеешь, сколько есть способов честно запороть стопроцентное дело. Мне нужно это дело так же, как и тебе. Доверься мне и к концу третьего дня ты получишь то, зачем пришла. По рукам?

Мира некоторое время смотрела ему в глаза и потом кивнула. Уилл помолчал и спросил:

— Вопросы есть?

Мира подумала и сказала:

— Ну допустим. Как Вы видите наше сотрудничество?

— Вот теперь начался нормальный разговор, — ответил Уилл. — Все просто. Ты действуешь так: смотришь, слушаешь, что-то понимаешь, говоришь мне. Получаешь мою от-

машку — записываешь. Ну и делаешь, что я тебе скажу. Все.

— А что делаете Вы?

— Закрываю дело, — ответил Уилл. — Говорю тебе что писать в материал и заодно покажу некоторые вещи, которым тебя не учили. Но без моей команды — ни слова в планшет. И вообще, отвыкай писать. Смотри глазами. Писать надо только тогда, когда ты точно понимаешь, как твою писанину прочтет система. Каждое твое слово может запустить лавину последствий. И тебе это не понравится.

Уилл развернулся и быстро зашагал дальше. Мира поспешила за ним, говоря на ходу:

— Ладно, допустим Вы правы. Мне действительно нельзя запороть это убийство. У Вас опыт. Мне так даже спокойнее как-то. Но Уилл, Вы не обижайтесь... ..я должна была понять с кем я буду вести дело, понимаете? Я думала, что Вы начнете мешать...

— Мира, — сказал Уилл, — успокойся и соберись. Мы скоро дойдем. Давай уже наконец поговорим по делу. Материалы у тебя. У меня ничего нет. Так что давай по порядку. Кто убит? Как убит? Где нашли? Кто нашел? Кто подозреваемый? Какой видимый мотив? Прямых улик нет, как я понял?

«Командир... ладно, поиграем в твои игры» — подумала Мира.

Она на ходу открыла материалы на планшете, сверилась и ответила:

— Потерпевший Сезар, номер у Вас есть. Бывший биотехник. Он из верхних, но скатился вниз. В старой карточке — Сезар да Силва. В новой — Сезар и номер. Фамилия конфискована.

— За что его спустили? — спросил Уилл.

— Махинации с идентификаторами. Черный рынок доступов, хэшей, биографических контуров.

— Ясно. Дальше. Кто и где нашел тело?

— Тело найдено в мусорном рукаве С-2968, четвертый карман, в ферментированных биоотходах.

— Не “найдено”. Кто нашёл?

— Смена мусорщиков.

— Люди? — спросил Уилл.

Она посмотрела в планшет.

— Один человек. Старший смены. Остальные андроиды. Звено — десять штук.

— Модели?

— Списанные антропоморфные, без биокожи, тяжёлый мусорный класс.

— Значит, свидетель у нас один.

— Эти андроиды тоже что-то фиксируют.

— Мира, это мусорщики, они ни хрена не фиксируют. Их логи — не показания, там один шум. Свидетель — это тот, кто может соврать, и чьи показания берутся в расчет. Он у нас один. Как был убит этот Сезар?

— Его вспороли наискосок. Со спины. Позвоночник и

несколько левых рёбер — как бритвой. Мгновенная смерть. Ионный резак или что-то похожее, судя по описанию.

— Нашли? — Уилл задавал ей вопросы на ходу, не поворачивая головы.

— Нет. Рядом с телом ничего не было.

— Искали?

— Да. Агент дал задачу рабочей смене, которая нашла тело. Пока ищут.

— Хм. Кто подозреваемый? В брифинге указан какой-то Антон. Задержан?

— Да, задержан. Недалеко от места преступления. Имя: Антон и номер. Из нижних, без фамилии. Тридцать пять лет.

— Мотив есть?

— Есть. Ссора. На записи все видно. Это случилось вчера в капсульном отсеке. При людях. Сейчас я Вам скину.

Мира отправила Уиллу показания свидетелей.

Они почти пришли. Тоннель сужался. Со стен текло и от этих потеков тоже несло холодом. Где-то совсем рядом, за стеной, находился один из огромных мусорных залов стометровой высоты, которые она видела в тренажере. Было слышно, как сбоку и выше, с грохотом и лязгом ворочались машины переработки. С потолка свисали кабельные жилы, обросшие серой солью. Где-то слева глухо работали насосы. И запах. Он буквально резал глаза. Мира подумала, что уже наверное никогда не отмоется от этого липкого букета: гниения, химического нейтрализатора и перегретого пластика.

— Я думала, нижний ярус — это автоматизированная переработка, — сказала Мира. — Откуда тут свидетели, Уилл? Кто это? Ссылные?

— Да. Где-то 80% — ссылные. 20% вахтовые рабочие, должники, им нормально платят. В документах это называется занятостью при банкротстве. Иных тут нет. Сюда не ходят по своей воле.

Она потянулась к планшету, чтобы сделать заметку, но поймала его взгляд и убрала стилус.

— Быстро схватываешь, — кивнул ей Уилл и добавил: — Да, забыл предупредить. В магистральных коридорах ходи только справа вдоль стен. По центру летает коридорный обходчик. Он один держит открытым весь магистральный контур и должен проходить его за рабочий цикл. Поэтому носится без ограничения скорости. Если путь завалит, передний манипулятор срезает или выбивает всё, что мешает пройти. Сам обходчик никогда не тормозит, не сворачивает и не покидает маршрут. Шаг влево, он налетит на тебя и инвалидность гарантирована. Иди строго за мной. Поняла?

Мира представила и ее передернуло. Она спросила:

— Почему в брифинге нет ничего об этом? И в тренажере. А если бы я без Вас...

— Вот и думай. Там много чего нет. Поэтому смотри не в планшет, а по сторонам.

Они подошли ко входу в магистральный коридор. Нужный им рукав был в двухстах метрах впереди. Изо рта выры-

вались непривычные облачки пара. Мира украдкой потеряла кончики ушей. Тело говорило: здесь жить нельзя. Тут работают, быстро делают, что нужно, и сразу уходят. Задержаться в этом месте не хотелось даже на одну лишнюю минуту.

Вблизи коридора вентиляция гудела гораздо громче обычного. Повсюду нескончаемым шумом раздавался лязг каких-то прессов, цепей. Визжали шарниры механизмов. Свет висел пятнами и не доставал до углов. В углах была влажная темнота, ферментная пыль и запах химии, смешанный с тем, что химия не еще успела победить.

Мира поморщилась. Ей было невыносимо здесь находиться.

У входа в коридор их встречала рабочая смена. Человек среди них был один: старший смены, низкий, жёсткий, с химическим ожогом вдоль шеи и серой защитной сеткой на волосах. Остальные были андройды. Списанные углепластиковые скелеты без биокожи. Таких наверху Мира не встречала. Голые суставы, матовые керамические тяги. Сервоприводы под прозрачными кожухами. Все их сочленения сгибались во все стороны. Даже в те, куда человеческие руки не должны сгибаться.

Андройды разбрелись по коридору и ворошили мусор верхними манипуляторами. Движения у половины из них были дерганными, заедающими. Голова у одного постоянно поворачивалась вправо на девяносто градусов и через

несколько секунд возвращалась обратно.

— Следствие, — сказал Уилл и подошел к человеку.

Мусорщик покосился на его левое предплечье. На пустой рукав. И вопросительно поднял брови. Уилл достал личный планшет и показал ордер. Старший смены внимательно проглядел все строки и кивнул.

— Вот теперь вижу.

— Сектор остановлен? — спросил Уилл.

— На осмотр тела. Не на весь цикл.

Из глубины рукава донёлся низкий сигнал. Один из андроидов резко повернул голову. Позвонки-сервоприводы взвизгнули.

— Что там? — спросил Уилл.

— Подготовка к перемешиванию. Плановая, — ответил мусорщик.

— Отменить.

Старший смены усмехнулся.

— У вас монитора нет.

Уилл не глядя на Миру сделал требовательный жест рукой. Она подала ему свой планшет. Уилл открыл служебное меню, выбрал «приостановка зоны», выбрал основание: первичный осмотр по делу с упрощенной защитой, подтвердил.

Экран ответил:

Приостановка рукава С-2968: временно разрешена.

Срок: 18 минут.

При отсутствии достаточных оснований задержка будет учтена при пересмотре рейтинга ответственного.

Мира увидела строку. Речь шла о ее рейтинге.

— Вы только что...

— Купил нам восемнадцать минут, — сказал Уилл. —
Восхищайся молча.

Она закрыла рот.

Старший смены перестал усмехаться.

— Нам за простой снимут.

— Если тело уйдёт в ферментный мешатель, получишь
еще и штраф. Где тело?

— Штраф? Нам? С хрена ли?

— Тебе, — сказал Уилл. — Машинам всё равно. Уничто-
жение улик. Где тело? Еще в рукаве?

Один из андроидов, будто услышав, поднял голову. На
гладком лице без кожи вместо глаз горели два дешёвых сен-
сора разных цветов: желтый и зеленый. Потом он снова уста-
вился в пол продолжая ворошить мусор.

Мусорщик ответил:

— Да, в рукаве. Еще не успели забрать. Санитарный дроид
застрял где-то. Ждем.

— Кто нашёл?

Старший смены мотнул головой в сторону двух андроидов
у отстойника.

— Третий и седьмой. По точке из сигнала. Мы бы туда

сами не полезли.

— Что в их логах?

— Нагрузка, температура, масса. Лиц они не пишут. Списанные. Они через одного на ощупь двигаются. Ну или по лидарам. Они видят метра на полтора вперед.

«Тело нашли роботы», — подумала Мира и быстро спросила:

— Значит, свидетелей обнаружения тела нет?

— Есть. Я, — сказал старший.

— Вы видели момент обнаружения?

— Я видел, как они тащили.

— Это не момент обнаружения.

Старший смены пожал плечом.

Уилл сказал:

— Зачет.

Мира не улыбнулась. Но ей стало приятно.

— Это ты анонимку получил? — спросил Уилл. — Сигнал покажи.

Старший смены включил свой грязный планшет. Экран был треснут, но текст читался.

Проверьте отстойник. С-2968. Четвёртый карман. Нижний слой. До перемешивания.

— Когда пришло? Мира, пробей адрес. — Уилл отдал ей планшет. — И запоминай все.

Мира взяла планшет и начала набивать запрос, прислушиваясь к разговору.

— Хрен знает когда пришло, — ответил старший смены.
— Увидели около двух часов назад.

На планшет Мира пришел ответ на запрос.

— Отправлен через тридцать минут после расчётного времени смерти, — сказала Мира. — Доставка отложена до начала текущей смены. Класс обращения и зона доставки видны. Терминал отправителя и личность протокол не сохраняет. Странно... Система допускает такие обращения?

— Без анонимок тут никто бы ни о чем не сообщал, — сказал старший. — Увидел — забудь. Услышал — забудь. Живее будешь. Система специально оставила лазейку.

— Этот что-то не забыл, — сказал Уилл.

Старший пожал плечами и сказал:

— Значит, хотел, чтобы нашли. Тело в ферментах за часы разлагается. Мы, по сути, уже один костяк вытащили.

— В этот рукав как часто ходите? — спросил Уилл.

— Сюда без нужды не суются.

— А с нуждой?

— С нуждой думают два раза. Тут система не видит ни хрена. Только датчики на вход-выход. Живые почти не ходят. Железо — да, ходит, если приказать. Кроме Антона тут и не бывает никто.

— Как часто он ходил? Регулярно?

— Раз в неделю. В выходной. В одно время.

— К кому?

Старший смены сплюнул в желоб на полу.

— А вот это у него спрашивайте.

— Спрошу. Пока тебя спрашиваю.

— Да хрен его знает. Слышал, он вырос тут. Его нашли случайно, он уже подростком был.

— В смысле вырос тут? Прямо здесь? Тут же жрать нечего. И холодно.

— Слушай, как там тебя? — старший смены недовольно скривился. — Не знаю я. Что слышал — рассказал. Мне без интереса, кто, где и как вырос. Спрашивай его.

— Ладно, уговорил. Конфликт с Сезаром был?

Мусорщик невесело усмехнулся.

— Ты ж запись можешь посмотреть. Это же в столовой было. Зачем тебе мои слова?

— Надо значит, — ответил Уилл. — Чего ты дергаешься, раз все записано уже? Просто повтори.

— Хрен с тобой. Был конфликт. Вчера. В столовой. Сезар уже неделю там крутился. Раньше он сюда приходил как верхний спец. А месяц назад вернулся по приговору, уже номером, без фамилии. Таким здесь тяжело. Быстро опускаются. Он пытался и тут свои схемы мутить с пропусками. Но что-то не вышло. Он одиночка.

— Давай ближе к делу. Что за конфликт?

Мусорщик поднял глаза, вспоминая. Помолчал и ответил:

— Сам слышал вчера. При всех было. В «Трюме», это за-

бегаловка здешняя. Сезар сам подначивал. Он уже поддал хорошо. А Антон в углу сидел, где обычно. Сезар сначала подсел к нему, что-то побалакали. Потом к стойке пошел. Дернул там самогона и начал Антону орать через весь зал.

— Что орал?

— «Веди к старому железу», говорит. И еще: «Тебе не надо — мне надо. Блоки, память, батареи. Поделим. Не поведёшь, — сам людей найду, всё разберём». Вроде так.

— Антон?

— Да молча сидел сначала. Слушал.

— И?

— Потом ложку отложил и сказал что-то типа «Попробуешь — сдохнешь».

— Дословно.

— Ща, секунду. — старший смены потер лоб, вспоминая.

— А вот. «Рискнешь — сам мусором станешь». Точно. Тихо сказал. Но все слышали.

— Сезар?

— Заржал. Сказал Антону — угрозы твои мусор, как и ты сам. Сказал, что то, что не можешь защитить — не твое. А мусор ничей. Кто нашёл, тот режет.

— Антон?

— «Посмотрим», сказал. И ушёл. Он с чудиной. Сам увидишь. Но, чтоб ты понял, Антон тут свой, так всегда было. К нему не лезут. Да и крепкий он. Ему кому-то харю поправить — раз плюнуть. Но в драке я его кстати не видел

никогда. Хотя слышал. А этот Сезар неделю назад пришел. Но уже в темных очках ходит. Говно спесивое. — мусорщик сплюнул. — Пальцем проткнуть можно ... Все подумали, что Антон на людях не хочет просто. Думали — ну поучит немного. Но валить... Вряд ли ...

— В каких темных очках? — спросила Мира. — Зачем они тут? Не видно же ничего.

Уилл с ухмылкой посмотрел на нее.

— Это отек, синяк на оба глаза. От удара в переносицу. Лбом обычно, — сказал он и повернулся к Мусорщику: — А что за «старое железо»? О чем речь вообще?

— Да слухи ходят, что у Антона бзик — таскается с детства к какому-то роботу на свалке. Чинит, или разбирает — не знает никто, никому не интересно. Тут этих роботов миллионы валяются.

Мира видела, что Уиллу не нравится, что он слышит. Он внезапно спросил ее через плечо:

— Видимый мотив?

Она ответила, не заглядывая в планшет:

— Потерпевший угрожал объекту, который подозреваемый защищал. Подозреваемый запретил при свидетелях. На следующий день потерпевший найден в месте, связанном с объектом и подозреваемым.

— Главное ты поняла, — сказал Уилл. — Неплохо.

— Для Антона не очень.

— Для Антона — да. Для тебя — неплохо.

Мира коротко кивнула.

И тут случилось то, что она никак не ожидала.

Вдруг давешний андроид с желто-зелеными глазами, копавшийся в мусоре в двух шагах перед ней, бросил свое занятие и молниеносно метнулся ей за спину. Одним смазанным движением. За спиной громко лязгнуло. Мира не успела даже вздрогнуть. Она оцепенела. В висках застучало от адреналина. Мусорщик и Уилл даже ухом не повели.

Мира испуганно обернулась.

В десяти шагах за ней, на перекрестке, андроид прижимал к противоположной стене другого андроида. По его позе было видно, что он только что плечом впечатал своего сотоварища в стену и так застыл. Впечатанный в стену стоял спокойно, опустив манипуляторы и не сопротивлялся.

— Ч-что случилось? Он что сейчас сделал? — с дрожью в голосе спросила Мира у старшего смены. Ее поразила внезапность и абсурдность происходящего. Она никогда не сталкивалась с таким поведением машин.

Старший смены ответил, даже не посмотрев на андроида:

— Сектор держит. Программа такая.

Уилл добавил:

— Не пугайся. Обходчик пролетел, помнишь я предупреждал? Мусорные андроиды — роевые боты. Это не стражи и не сервисные, как наверху. Мусорные — как клетки в теле. Защищают свою среду.

— Среду?

— Ну все вокруг них: другого робота, дверь, тележку, мониторы, весь этот хлам. Если один робот ломает другого робота — третий его остановит. Ну или если человек ломает — без разницы. Иначе их всех тут давно разобрали бы на запчасти. Многие пытаются. Они поэтому звеньями работают.

— А человеку он может навредить? Если тот начнет робота разбирать?

— Да, в этом случае риск есть. Угроза среде. Но самоубийц нет. Все мародеры ждут пока робот останется один, без защиты других.

Старший смены кивнул.

— Так и есть.

* * *

Рукав С-2968 открывался вправо чёрной кишкой.

По записям в деле его законсервировали тридцать два года назад. Но он не выглядел заброшенным. Изнутри тянуло влажным теплом. На своде висела сухая бахрома ферментной взвеси.

Пол пружинил под ногами слоями прессованных отходов.

У входной арки мигала маленькая коробочка датчика. Пластиковый корпус пожелтел от реагентов. Дешёвый датчик, считающий входы-выходы.

Вошёл номер.

Вышел номер.

Если номер не вышел, человек остался внутри.

— Камер нет? — спросил Уилл.

Мира уже открывала схему.

— Нет. Сектор старый. Оптика слепнет от влажности, реагентов и ферментной взвеси. Последняя заявка закрыта отказом: визуальный контроль экономически нецелесообразен. Оставлен чип-датчик прохода.

— Что там?

Она развернула лог.

Вошёл: Антон 17-3253-0011. 23:28

Вошёл: Сезар 47-3241-0158. 23:45

Вышел: Антон 17-3253-0011. 23:53

Вошли двое. Вышел один.

— Датчик исправен? — спросил Уилл у Мира.

— Самодиагностика зелёная, — ответила она, считав данные планшетом.

— Когда была последняя поверка? Какой радиус обнаружения? Диапазон считывания?

Мира прочитала характеристики.

— Других данных нет, — сказала она.

— Вот именно, — ответил Уилл.

Мира удивленно посмотрела на него.

— Его можно обмануть? — спросила она.

— Всё можно обмануть, — ответил тот. — Вопрос цены и цели.

— Экранирование? Переносной экран?

Уилл усмехнулся.

— Этих игрушек здесь внизу не встретишь. За такую приблуду здесь пойдут на многое. Ее тут лучше не светить.

— Но теоретически возможно?

— Теоретически возможно всё. Практически у нас труп, лог и подозреваемый. Не фантазируй раньше времени.

Мира поджала губы.

— Вы же сами не исключаете.

— Мне можно, мне на пенсию скоро, — ответил Уилл.

Они вошли в рукав. Мира шла впереди.

Рукав ветвился длинными боковыми карманами. Первый карман был забит старыми фильтрами, вросшими в серую пену. Во втором лежали обломки капсульных рам: пластиковые рёбра, манипуляторная дуга, детская поручневая планка, перевернутый столик и куча другого хлама. Он уходил далеко вглубь.

В третьем кармане Мира за горой мокрого пластика увидела край древней медицинской капсулы, лежащей на боку. Верхняя створка была сорвана, внутри горела слабая синяя полоска интерфейса. Мира сначала решила, что это свежий аварийный модуль, но на корпусе уже выросла серая соль. И круглый логотип на боку был старым. Такие встречались только в древних записях.

— Это работает? — спросила она, показывая на сломанную капсулу.

Старший смены коротко хохотнул.

— Тут всё работает, но не так как надо. Влезешь — скажет: лечебный контур недоступен, допуск недостаточен, покиньте капсулу. У нее энергии полно. Но хрен она тебя вылечит.

— Откуда она здесь?

— Откуда всё. По трубе прилетела, как и все остальное. Здесь этого мусора — океан. Он сюда валится тысячами лет. И это только один зал. Из ценного: медицина, оружие, роботы, запчасти, батареи, планшеты... не знаю. Да все. Все работает. Но все под блоком. Поищешь — найдешь. Оживить — вот тут хрен. Блок на допуск.

— Ни у кого не получалось?

Мусорщик не ответил и, ухмыляясь, и кивнул на Уилла.

Уилл посмотрел на нее долгим взглядом и без улыбки сказал:

— Есть умельцы. Где спрос — там рынок. Мимо тебя не пройдет — не беспокойся.

Мира промолчала.

Четвёртый карман встретил Миру запахом, от которого горло закрылось само. Мира прижала рукав к носу. Потом вспомнила про старшего смены за спиной и опустила руку. Глаза заслезились.

Тело лежало на технической плёнке. Лицом вниз. Эта куча органики уже не походила на человека и выглядела вполне органичной частью этой заваленной гнилью трубы. На затылке черепа уже не было кожи и волос. Рабочий комбине-

зон разошелся и показывал острые белые ребра, странно торчащие из дыры на спине. Тело тихо шипело химической реакцией. От него поднимался пар. Остро воняло химией.

Миру замутило. Не от запаха. Это выглядело противоестественно. Желудок дернуло и Мира отвернулась, еле сдерживая спазм. Переждав секунду, она заставила себя снова посмотреть на тело и подойти ближе.

Уилл Арчер похоже ждал, пока она справится. Как только Мира пришла в себя он спокойно подошел к телу и присел рядом.

Спина трупа была вспорота наискосок глубочайшим разрезом. Сантиметров на двадцать вглубь. Уилл провел пальцем по срезу ребра и спросил:

— Оружие?

Мира сглотнула. Говорить было тяжело, но она ответила:

— Система написала, что по первичному осмотру — ионный резак. Хирургический разрез. На месте не найден. Надо на экспертизу.

— Держись, Мира, блевать пока рано. Резак, верно. Сзади и близко. Один сильный удар. Довел бы чуть выше — развалил бы надвое.

Мира сообразила:

— Удар исподтишка? Сзади? Без ссоры, драки?

— Сообразила, молодец. Именно. Нижние так убивают редко, — ответил Уилл.

Мира не поняла — хвалит он ее или издевается. Но узна-

вать не хотелось.

— И что это значит?

Уилл посмотрел на рану.

— Орудия нет, — сказал он. — И место вокруг тела слишком пустое.

Мира огляделась.

— Пустое?

— Нормальная грязь показывает. И достаточно много, — ответил Уилл. — Следы, лишние касания. А тут только то, что нам надо увидеть. И почти ничего сверх. На мусоре нет ничего из того, что я ожидал. Мира, просканируй тут все.

Мира кивнула и запустила штатный сканер. Она повела им вокруг, но тот молчал. Ферменты. В этой активной среде надеяться, что отыщутся следы или отпечатки убийцы — было безумием. Непонятно, что ожидал тут увидеть Уилл.

Он в это время осматривал карманы трупа, не боясь испачкаться в сером вонючем киселе. Аккуратно обшарив тело, он поднялся и обошел вокруг. Постоял. Сходил вперед шагов на тридцать от тела и вернулся.

Мира и старший смены ждали его у тела. Мусорщик заметно нервничал и матерился вполголоса. Мира поняла, что он считал штрафные баллы за простой.

Вернувшись, Уилл спросил у старшего смены:

— Какой состав ферментной смеси? Класс активности? Не в курсе?

— Да откуда я знаю? — немного нервно удивился стар-

ший смены. — Обычный состав. Я слышал, что дня за три тело полностью растворяется. С костями и чипами. Вон, у этого уже костяк виден и мяса нет в рукавах.

Мусорщик показал Уиллу на тело, но тот даже не повернул головы.

— Значит, спрятали так, чтобы тело исчезло, — утвердительно сказал Уилл.

— Выходит так.

— Но указали анонимкой так, чтобы быстро нашли.

Мира растерянно посмотрела на него. Она начала путаться.

— Может, свидетель испугался? — спросила она.

— Какой свидетель? Перечитай лог, — ответил Уилл. — Двое вошли — один вышел. Писавший видел, как прятали тело. И писавший знает про карман, про активность ферментов, про время перемешивания и не хочет сообщать о себе. Но если это Антон, нахрена ему писать анонимку? Может это ты написал? — Уилл весело подмигнул старшему смены.

— Слы-ышь. Ты че гонишь? — тихо сквозь зубы сказал старший смены. В его прищуренных глазах загорались огоньки ярости. Он медленно, фиксируя каждое слово, процедил: — Я за два рукава отсюда был, когда сообщение пришло. Со мной еще две бригады были. Подтвердят. Ты решил на меня это вешать? Давай, не отползай, прямо ответь. А то у нас тут другой разговор может пойти.

— Выдыхай. Не ты, так не ты. Ты чего разволновался так?

Спросить нельзя? Или есть что скрывать? — Уилл ничуть не испугался прямой угрозы. В отличие от Миры, которая так и замерла на месте.

Старший смены зло посмотрел в свой планшет и сказал:
— До возобновления цикла — 4 минуты. Дальше у меня отстойник встанет.

— Пусть стоит, — сказал Уилл.

— За твой счёт?

— Слышь, уймись. Не оштрафуют тебя, — ответил Уилл.
— Первый раз? Расследование ставит все задачи в зоне на холд. Расслабься. Пока идет следственное действие — к тебе вопросов нет. А свое ты потом заработаешь.

Старший смены сжал челюсть и заиграл желваками. Андроиды стояли вокруг них неподвижно, чудовищно сильные и послушные.

Мира вдруг осознала, что вокруг нет ни одной камеры.

Сканер в ее руках громко пискнул. Она вздрогнула и посмотрела на экран.

— Найден планшет, — сказала Мира. — Сканирование закончено. Орудия нет, следов третьих лиц нет, но есть планшет потерпевшего. Сейчас... — Она засуетилась и локализовала направление. — Тут.

— Где? — Уилл мгновенно забыл про старшего смены и его штрафы.

— Где-то тут. В луже в этой. — Мира показала в какой.

— Ну так доставай, — сказал Уилл.

Мира поняла, что сейчас ее авторитет упадет ниже уровня пола. Лужа выглядела глубокой и по ее поверхности разошлись масляные разводы.

— Я перчатки не взяла с собой.

Она чувствовала себя круглой душой. Но Уилл даже ухом не повел.

— Сама себя наказала значит. Доставай давай. Кто за дело отвечает, я что ли?

«Козел». — зло подумала Мира. Стиснув зубы, она закатала правый рукав и пошла к луже.

— Отставить. — Мира была уверена, что слышит в его словах издевку. — С ума сошла? Там может быть кислота или железо рваное. Тут андроидов десять штук. Командуй.

— Сказать просто нельзя было?

— Да можно. Но теперь ты запомнила лужу, а не слова. И не злись. Ты забыла кто тут за обучение отвечает? — Уилл повернулся к старшему смены. — Дружище, организуй нам подъем планшета пожалуйста. Мы перчатки не взяли.

Мира зло покосилась на Уилла. Она уже забыла, как только что испугалась отсутствия камер вокруг. Сейчас она жалела, что вокруг столько свидетелей.

Старший смены зло сплюнул и отдал команду. Ближайший андроид стронулся с места и очень аккуратно погрузил манипулятор в глубокую лужу у стены. Через несколько секунд он что-то подцепил и вытащил на свет. Это был старый затертый планшет. Экран был разбит по диагонали. На

задней крышке был выдавлен стандартный логотип: дерево с круглой кроной.

— Руками не трогать, — сказал Уилл.

— Я знаю. — ответила Мира.

Уилл включил сканер. Мёртвый экран не ответил, но в корпусе слабо пульснул маячок.

— Носитель активен, — сказал Уилл.

— Почему убийца его не забрал? — спросила Мира.

— Потому и не забрал. Локатор, маячок. Вынеси в коридор и дальше весь маршрут как на ладони. По секундам.

— Тогда зачем разбивать?

— Хороший вопрос. Давай дальше.

Она смотрела на треснувший экран.

— Если Антон убил в ярости из-за угрозы какому-то своему механизму, он мог не знать про планшет, — сказала Мира.

— Мог, — ответил Уилл. — продолжай.

— Если Антон нашел его только после убийства — зачем разбивать? Разбивать нужно только если надо уничтожить то, что в планшете. Не можешь вынести из-за маячка — разбей. Получается Антону было важно, чтобы что-то на планшете исчезло. Либо это сделал тот, кому это было важно. Либо Антон разбил планшет просто так и утопил его в луже тоже просто так. Либо не Антон. Хрень какая-то.

— Почти хорошо. Дальше. — Уилл внимательно ее слушал.

— Если собрать все вместе, это не похоже на вспышку ярости, — помолчав сказала Мира. — Это похоже на засаду. И на уборку. Нам нужно допросить этого Антона.

Она увидела в глазах Уилла искорки одобрения. Он сказал:

— Вот теперь понимаешь разницу? В деле уже есть ссора и угроза. Их добавлять и усиливать не нужно. Не накидывай на это. Сейчас у тебя уже есть версия с засадой. Ее пока тоже не фиксируй.

Мира отлепила стилус от планшета и положила в карман.

* * *

Они слышали шум механизма. Наконец появился санитарный дроид и сразу приступил к погрузке тела и последующей экспертизе места преступления. Дроид подтвердил решение системы о приостановке работ и сообщил, что работы могут быть возобновлены не раньше, чем через два с половиной часа. Старший смены отвратительно, но виртуозно выматерился и убрался со своими роботами. Погрузка и первичная экспертиза тела, фиксация места и оформление изъятого планшета заняли почти весь день. Когда всё закончилось, Уилл и Мира вернулись ко входу в рукав. Уже наступал вечер.

— Так, теперь уже можно слать первые запросы. Только без отсебятины, я продиктую, — сказал он.

— Сейчас? Здесь? — удивленно спросила Мира. Запросы у нее всегда ассоциировались с рабочим столом кабинета.

— Нет, ..., в конце срока, когда подозреваемого исполнят. Конечно сейчас. Пиши.

Мира вспомнила, что ей надо продержаться меньше трёх суток.

— Что, теперь наконец можно? — ядовито спросила она.

— Теперь можно, — спокойно сказал Уилл. — Но строго то, что скажу. Готова?

— Да готова, что писать-то?

Уилл начал чеканить и загигать пальцы:

— Первое: тело не утилизировать до завершения маршрута упрощенной защиты... Второе: планшет изъять и снять с него все данные. Все входящие и исходящие Сезара за год. Это главное. И это срочно. Угрозы, конфликты. Адресаты этих угроз и конфликтов. Отбрось весь шум...

— За год много шума, — сказала Мира.

— Вот весь и отбрось. Боту задачу поставь. Дальше. Третье: запросить все технические заявки по датчику входа в рукав за год: замены, отказы, сбои. И все проходы через датчик за год... Кто когда вошел и кто вышел. Четвёртое. Все анонимки, в которых упоминается рукав. Тоже за год... Пятое. Проверь показания этого придурка с сеткой на голове: где он шатался со своими роботами в момент убийства.

Уилл прикрыл один глаз, секунду поразмышлял и добавил:

— И шестое, пока не забыл. Всё, что есть по подозреваемому, по этому Антону. Всю его жизнь. С самого детства...

Пока все.

Мира записывала быстро.

— Основание? — спросила она. — Чтобы поднять данные с рождения — нужно основание.

— Подозреваемый вырос в месте преступления. Если тебе этого мало, допиши что-нибудь.

Она дописала.

Запросы ушли. Планшет ровным голосом зачитал строки, появившиеся на экране:

Принято к обработке.

Предварительная достаточность косвенных улик сохраняется.

Рекомендуемое действие: допрос подозреваемого по месту задержания.

— Вот теперь к подозреваемому, — сказал Уилл.

Они пошли назад. Дойдя до середины коридора, они свернули направо в сторону капсульного сектора. Коридор был пуст. Мира уже привыкла к холоду и вони. Но чем ближе они подходили к жилому пространству капсульного сектора 994 яруса — тем тверже становилась поверхность под ногами. Наконец мусора практически не осталось, и они ступили на решетчатый металл пола. Путь занял еще минут пятнадцать. Пройдя несколько перекрестков, они увидели в правой стене нишу глубиной метра два. В нише стены была ме-

таллическая дверь, которую охранял человеческий силуэт. Это был андроид, страж. Той же модели, что и наверху, ничем не отличимый от человека. За исключением скорости, силы и неуязвимости. Он стоял неподвижно, как статуя.

Мира открыла ордер на планшете. Координаты совпадали.

Они подошли к двери, страж посторонился.

Справа от двери было расположено окно, через которое они увидели освещенную комнату и человека в красной рабочей рубашке. Он сидел за столом, положив локти на стол. Поза его была спокойной, без напряжения.

Мира задержалась на секунду, чтобы рассмотреть его получше, пока он не видит. Жилистый, но плечи широкие. Очень крепко сбитый. Выглядит моложе и довольно неплохо для мусорного яруса. На лице нет и следа болезней, ожогов, шрамов или других обычных печатей жителей низших ярусов.

Антон рассматривал длинную царапину на металлической столешнице. Провёл по ней ногтем, нашёл заусенец и прижал его подушечкой большого пальца. Потом поднял глаза на окно и усмехнулся. Ни страха, ни волнения.

«Психопат?» — подумала Мира.

Она подтвердила допуск, датчик загорелся зеленым, и они вошли.

Глава 2. Антон.

День первый.

Вечер. 18:40.

Будка техобслуживания была очень тесной. Ее площадь была два на три метра. Стол занимал треть комнаты. Страж стоял у двери. Антон сидел у стола. Между ними оставалось два шага.

Стул под Антоном был прикручен к полу. Запястья были спутаны мягкой самостягивающейся лентой.

Антон положил кулаки на стол.

Так всем спокойнее.

За стеной раз в минуту тяжело проходил привод пресса. Сначала дрожал пол, потом в обшивке стен что-то начинало звенеть, и только после этого накатывал гул. Антон знал этот порядок с детства. На третьем ударе привод сбрасывал нагрузку. На пятом начинал новый цикл.

Он досчитал до сорока двух.

Страж стоял как статуя и ни разу не сменил опорную ногу. Было видно, что он стоит в еле заметном приседе. Это был такой же неотличимый от человека репликант, как любой андроид на верхних уровнях. Но у стражей были другие функции: карать и защищать. Он отличался поведением.

Сбежать мимо стража из этой клетки было невозможно. Даже если бы Антон сумел освободить руки. Но Антон и не собирался.

Он сидел в этой будке уже почти восемь часов. Страж привёл его сюда сразу после задержания. Сегодня у Антона был выходной, и он как раз шёл к автомату взять себе что-нибудь пожрать. Там, у автомата, его и взяли.

Шум. Гам. Убит Сезар. Сразу после их ссоры. Нашли в рукаве. По анонимке.

Анонимка и ссора говорили об одном: Сезар был инструментом. Целью был он сам.

Антон знал только одного человека, который умел придумывать такие конструкции. И только этому человеку было выгодно, чтобы они с Сезаром оба исчезли. Таких совпадений не бывает. Расклад простой как рельса. Даже скучно.

Но тот, кто это сделал, знал Антона слишком хорошо. И план сработал. Последняя остановка.

Антон усмехнулся.

Пискнул замок. Вошли двое.

Антон посмотрел на них и откинулся на спинку стула.

Девушка. Мужик с похмельюги. Сыщики.

Сыщица молодая. Зеленая совсем. Глаза испуганные, храбрится. Без монитора, стажер. Ну пусть учится.

Антон перевел глаза на мужчину.

Опытный. Глаза цепкие. Все считает в уме. Но в глазах боль. Что-то личное. Закинулся с утра, но руки дрожат. Перегар характерный. Из запоя. Тоже без монитора. Странно, бывший что ли? Интересная парочка.

Судя по этим двоим, системе все ясно. Ну ясно — так ясно.

Антон не двигался.

Страж вошел следом за ними, закрыл дверь и застыл.

Сыщик подошел к столу и сел напротив. Положил план-

шет на стол.

Стажерка встала сбоку у стола с планшетом в руках, озираясь — где сесть. Второго стула не было.

— Привет! — сказал сыщик. — Ты Антон 17-3253-0011?

Он процитировал номер Антона по памяти, монотонно, ни разу не запнувшись.

— Да, — сказал Антон.

— Мы дознаватели по делу об убийстве. Ты в курсе за что задержан?

— В курсе, — сказал Антон.

— Меня зовут Уилл Арчер. Ее... — Сыщик кивнул на стажерку — Мира Сато. Сейчас я буду вести допрос...

Тут планшеты сыщиков одновременно завибрировали. Планшет стажерки вдруг произнес:

— Ведущий дознаватель по делу — Мира Сато. Уилл Арчер допущен в качестве консультанта. Самостоятельное ведение допроса консультантом не имеет процессуальной силы.

Антон покосился на второй планшет, личный, лежащий перед сыщиком.

Экран ярко светился. В верхнем углу горел красный треугольник срочного вызова. Ниже, старое сообщение от человека: «от Джесс: Не пиши мне больше, сколько это еще будет продолжаться? Ты нас губишь».

Интересно. Похоже, что в этом месте у него побаливает. Ладно, его дела.

Сыщик с неохотой взял свой планшет со стола и пробежал глазами пару строк.

— Да чтоб тебя... — он обернулся к стажерке. — Меня отодвинули.

Та тоже читала сообщение на экране своего планшета. На ее лице расцветала улыбка.

Она развела руками, но вид у нее был торжествующий.

«Как дети.» — подумал Антон. «Нашли что делить.»

Сыщик был зол как черт. Он встал.

— Веди, — сказал он и отошел к двери, сел на один из пыльных контейнеров у стены. Правда сел удобно, за спиной у стажерки и так, чтобы его не было видно из окна. Все в поле зрения, дверь контролируется.

Опытный, на рефлексах.

Стажерка уселась и положила перед собой планшет и стилус. Как в школе.

Антон спокойно наблюдал за их передвижениями.

Мира поерзала на стуле, усаживаясь.

Набегалась по мусору. Ноги болят видимо. Забыла принять деловой вид. А ну вот...

— Согласно распределению полномочий, допрос веду я, — официально сказала стажерка. — Меня зовут Мира Сато. Можете звать меня Мира. Антон... — она посмотрела в планшет. — 17-...3253-...0011?

Антон спокойно кивнул.

— Я следователь-стажер по делу. Это Уилл Арчер, прико-

мандированный специалист. Вы понимаете, зачем мы здесь?

— Да, — ответил Антон.

— И?

— Что?

— Для чего же?

— Вы думаете, что я убил Сезара.

— Мы не думаем, мы проверяем.

Антон снова кивнул.

— Это уже лучше.

— Что лучше?

— Что вы проверяете.

Ее пальцы взяли стилус.

— Не пиши, — сказал Арчер с контейнера.

Мира даже не повернулась.

— Я веду допрос.

— Вот и веди. А стилус свой не трогай.

Все замолчали.

У нее покраснели шея и щеки. Злится. Но сыщик прав. Писать сейчас нельзя. Нужно знать что писать. Система не зря на нее переключила. Подыгрывает себе.

Мира повернулась к сыщику.

— Вы каждый раз будете напоминать, что я стажер? Мы не одни, я веду допрос. Это ваш метод — разрушать мой авторитет на допросе?

Сыщик посмотрел на предплечье своей левой руки и ответил:

— Ты права во всем, кроме одного: ты уже не стажер. Это реальное дело, реальное убийство и реальные судьбы. Каждое твоё слово, даже не действие, — слово — это сигнал системе. Ты её оракул. Она судит, исполняет приговоры, но материал для суда она черпает с датчиков. Ты её датчик. Поэтому тебе нельзя врать. Ни в одном слове. Терпи. Ты меня ещё вспомнишь потом добрым словом, гарантию тебе даю.

Вроде до неё дошло. Не стала спорить. Отвернулась.

Мира убрала стилус, посмотрела на Антона и спросила:

— Сезара убили вы?

— Нет, — спокойно ответил Антон.

— Кто?

— Понятия не имею.

— В рукав вошли вы и Сезар. Вышли вы один.

— По датчику может и так.

— Датчик врёт?

— Не знаю. Проверьте. Вы же проверяете.

— Помочь не хотите?

— Не особо.

Сыщик тихо хмыкнул у стены.

Мира замолчала.

Пауза правильная. Как в учебнике. Ждет, что заполню.

Антон усмехнулся.

Мира растерянно молчала. Пауза затягивалась.

— Забудь методички и давай ближе к делу! — прилетела недовольная реплика с контейнера у двери.

«Он ее так всю дорогу шпыняет?» — подумал Антон. — «Вообще-то правильно делает. Тогда может и научится чему. Не сообразит — сама себя когда-нибудь подпишет. Но это не мое дело».

— Я покажу вам, что уже есть, — сказала Мира и развернула планшет так, чтобы Антон мог видеть экран. — Вчера — публичная угроза при трех свидетелях. Записи провалидированы. Листаем. Вот, ваш регулярный маршрут к рукаву. Вот тайминг, система его уже построила по показаниям датчиков. Выраженная регулярность, время совпадает. Дальше... Вот ночью, смотрите на время, — она показала стилусом, — вы вошли. Сезар входит после вас. Вы выходите один. Время видите? Вместо Сезара — тело в четвертом кармане. Оружие не найдено. Планшет потерпевшего разбит. У нас почти все собрано. Мотив есть. Возможность есть. Нахождение на месте преступления в момент его совершения зафиксировано. И вы молчите. Если с вашей стороны я не услышу пояснений — система признает первичную версию достаточной.

Антон молча слушал и не перебивал.

— Мира, — сказал Сыщик.

— Что? — она повысила голос.

— Ты вопросы задавать собираешься? На хрена ты тут обвинительное заключение зачитываешь? Ты вроде честно хотела.

Мира захлопала ресницами.

— Я обозначаю риски подозреваемого...

— Ни хрена. Ты не на экзамене. Точнее на экзамене, но ты забыла что ли? Сначала вопросы задай. Тут же пишется все. Тебе сейчас пиликнет — и дело закроется. Учишь, тебя учишь...

Антон смотрел на Сыщика и думал.

Смотри-ка. Не ожидал от него. Из нормальных что ли? Видно по службе приложило недавно. Вот и бухает. Или нет. Это что-то личное. Больно он с ней носитя. Проекция, скорее всего. Либо хитер, расположить пытается. Но зачем такие сложности? Тут же все как на ладони, специально разложено. Незачем паутину плести. Да и эта, чудо в перьях, на плохого следователя не тянет. Они вдвоем меня сами утопят, без всякой подставы. По глупости просто. Ладно, будь, что будет. Но хоть не скучно с этими двумя.

Антон улыбнулся.

Мира увидела его улыбку и нахмурилась.

— Вы зря веселитесь, Антон, — сказала она. — Уилл прав, Вам надо говорить, а не молчать. Причем говорить максимально развернуто. Вы готовы?

Антон смотрел на неё и удивлялся, насколько она неопытна. Максимально развёрнуто на допросе?

— Не получится, — сказал он.

— Что не получится?

— Максимально развёрнуто. Спрашивайте по одному.

— Почему?

— Не хочу. Чем длиннее ответ, тем легче отрезать нужный тебе кусок.

Он спокойно смотрел Мира в глаза.

Мира не разозлилась. Только замолчала на секунду.

Бойтся ошибиться.

— Слышь, друг, ты по ходу не врубаешься. — услышал Антон голос от двери и перевел глаза на сыщика, которого называли Уиллом. — Тебя вот-вот исполнят, дурака, а ты тут условия ставишь. Отвечай нормально, это в твоих интересах, если ты не понял еще.

Антон кивнул.

— Вы спрашивайте. Что видел — расскажу. Но только то, что видел своими глазами.

— Договорились, — быстро сказала Мира. — Зачем Вы ходите в рукав С-2968 каждую неделю?

Антон молчал и смотрел на неё. Прошло около минуты.

— Вас там нашли ребенком? — спросила Мира.

— Да.

— Кто нашел?

— Не помню.

— Сколько вам было?

— Шестнадцать.

— Вы не помните, кто нашел вас в шестнадцать лет?

— А должен? Меня сразу отдали на учебу. В тот же день. Мира пролиستала еще несколько строк.

— Ваш официальный профиль начинается с шестнадцати

лет. До этого нет семьи, интерната. Нет выдачи рациона. Нет медицинских обращений. Вообще ничего.

— Все так.

— Кто-то же вас кормил.

— Кормили.

— Кто?

Антон посмотрел на нее.

Мира выдержала его взгляд. Она замолчала. Вдруг за ее спиной скрипнул контейнер.

Сыщик подошел к столу двумя шагами и оперся кулаками на стол. Он спросил, глядя на Антона сверху вниз:

— Там робот?

Антон посмотрел на него.

Ему нужен старый. Сыщик хочет положить его в дело. Тогда старому конец. А без ордера в рамках дела туда ходить бесполезно. Нет.

В прошлый раз Антон уже решил, что опоздал, когда старый вдруг проснулся.

— Здравствуй, младший, — услышал Антон. Лицо старого не двигалось. Губы не дублировали звук. И только потом включилась мимика.

Следствие выдернет его накопитель и увезет наверх. Старого кинут в переработку.

Можно купить себе жизнь его смертью. Но это плохой размен.

Антон смотрел на сыщика и улыбался.

По роже видно, что понял. Не светит тебе. А стажерка видимо еще нет.

— Сезар требовал, чтобы вы отвели его к какому-то механизму, — сказала Мира. — Говорил уже не про батареи. Про память. Диск, блок, что там у него с номером. Угрожал привести людей и всё разобрать. Вы при свидетелях сказали: «Рискнёшь — сам мусором станешь».

Антон посмотрел на нее и сказал:

— Я сказал, кем он станет, если сделает то, что хотел.

— Это звучит как угроза.

— Каждый слышит то, что хочет. Я сказал, что сказал.

— А вы что имели в виду?

Антон посмотрел на ее планшет.

— То, что сказал.

— Поясните.

— Сезар знал меня и знал кое-что обо мне. И сказал он это специально. Если он реально сделал бы, что задумал — он стал бы мусором. А не тем, кем он был до этого. Вот и все.

— То есть Вы ему не угрожали?

Антон посмотрел ей в глаза.

— Мне от него ничего не надо. Он ничего не может сделать из того, что не произойдет само.

— Станный ответ. Напоминаю, это не просто фразы. Они пишутся.

— Какой есть.

Сыщик тихо стукнул костяшками правого кулака о сто-

лешницу. Он тихо проговорил:

— Антон. Я всё равно найду этот объект. Робот это или не робот — найду. Но если ты сам скажешь, что это связано с твоим алиби, у нас появится основание. Нормальное. Понимаешь?

— Да.

— Это твой билет из этой комнаты. Возможный билет.

— Понимаю.

— Тогда скажи.

Антон молчал. Он не улыбался.

Он вспомнил, как Роман всегда любил одним движением решать две задачи. Роман умел бить в главную точку. В детстве он мог уронить огромного мешателя одним броском железки. Не подходя. С безопасного расстояния. Он знал, куда надо попасть. Везде искал уязвимость. И находил.

Роман всегда стоял вне потока. Никогда внутри.

Антон взял другое: нет задачи — не двигайся, подумай. Может, это и есть твоя главная задача.

И среда. Она должна жить.

Роман тоже был частью его среды. Не перестал быть ей даже став верхним, с семьей и фамилией.

Если убил Роман, он мог закрыть обе проблемы разом. Антон был в соседнем кармане.

Но не стал.

Некоторые детские привычки живут дольше, чем мы думаем.

Если это Роман.

А если нет — тогда с этими тем более говорить не о чем.

Но это Роман. Антон знал его руку.

Он молчал.

Сыщик негромко выругался, без особой силы.

— Ты сам себя топишь.

— Это так выглядит.

— Да. По-дурацки совсем. Причем ты неглупый мужик, видно же.

— Глупость — это когда человек не понимает последствий.

— А ты понимаешь?

— Да.

— И всё равно молчишь?

— Да.

— Боишься сказать лишнее? — спросила Мира.

— Нет.

— Тогда чего?

— Я не боюсь. Я не хочу.

Они помолчали. Стажерка явно прикидывала, что она за-
была спросить.

— То есть Вы хотели только остановить Сезара?

— Да.

— Как?

— Словами.

— Получилось?

— Нет.

— Тогда зачем?

— А вдруг бы сообразил. Сезар всё-таки человек.

Сыщик тихо хмыкнул и сказал стажерке:

— Мира, хватит, давай по таймингу.

Она затараторила:

— Время. Вы вошли в рукав в 23:28. Сезар вошел в 23:45.

Вы вышли в 23:53. Где вы были между 23:45 и 23:53?

— Во втором кармане.

— Это тот же рукав.

— Рукав тот же. Не то же место.

— Что делали?

Молчание.

— Антон, Вы слышали Сезара?

— Нет.

— Шаги? Голос?

— Нет.

— Удар?

Антон помолчал и ответил:

— Стук. Тупой. Недалеко. В рукаве часто стучит. Я не придал значения.

— Это мог быть удар? — стажерка просто ела его глазами.

— Сейчас понимаю, что мог.

Она замолчала.

— А если бы Вы поняли тогда? — спросила она.

— Вернулся бы.

— Почему?

— Защита среды. — усмехнулся Антон. — Есть фишка такая у нас. Знаете наверное. При мне, пока я жив, — никого не убьют. Если только меня сначала.

— Даже Сезара? У вас же ссора...

— Да похрен, — сказал Антон.

— И как бы Вы остановили убийцу? У него был ионный резак.

— Молча, — сказал Антон и повел кисти в противоположную сторону. Лента затрещала, но поддалась.

Стажерка вскочила. Сыщик тоже. Страж метнулся к столу и прижал свободные руки Антона к столешнице.

Антон был единственный в комнате, кто остался сидеть.

— Дальше необязательно, вы поняли, — сказал он.

Страж снова стянул запястья Антона фиксирующими лентами. Накрутил не меньше трех лент и отошел к двери.

— Как ты это сделал? — отрывисто спросил сыщик.

— С трудом, — ответил Антон.

Сыщик вернулся на свое место и оттуда сказал стажерке:

— Про резак можешь не спрашивать. Он ему не нужен.

Стажерка кивнула. Ее еще немного потряхивало от адреналина. Она перевела дух и села на место.

— Мы пытаемся понять, что произошло, — сказала она.

— Если Вы не хотите себе помогать, помогите нам.

— Поэтому я и разговариваю с вами, — ответил Антон.

— Но я не видел, кто это сделал. И я не скажу вам, где был,

когда убили Сезара. Поэтому давайте сами. Я его не убивал. Этого достаточно.

Он смотрел на стажерку.

Зацепило. Но злости больше, чем жалости. Это хорошо. Пусть лучше злится. Злость держит, жалость делает беспомощным. Ей нужно стать точной. Если сумеет.

Она приняла его неподвижность за слабость. Но жалеть не стала. То, что надо.

— Если во время убийства вас видел робот и сделал запись, он может быть вашим алиби, — сказала она.

— Может.

— Тогда почему вы не заявляете его в свидетели?

— Я знаю, что будет после. Видел не раз.

— Вы готовы умереть, чтобы мы не нашли списанного робота?

— Ищите так.

Мира подождала продолжения.

Антон прикрыл веки.

Сыщик потер лицо ладонью.

— Мира, медскан.

— Зачем?

— Он упоротый по ходу. Я не пойму. И еще он выглядит так, будто вчера приехал из приличного сектора. У меня сосед хуже выглядит. А он клерк, другая медицина. И этот не боится, как должен. Проверяй всё.

Мира достала портативный сканер.

— Руку. — коротко потребовала она.

Антон протянул руку.

Холод пластика прошёл по коже. Сканер пискнул. Мира задержалась на экране.

— Анализы в норме. Ноль веществ. Вообще. Даже энергетиков нет. Только иммунный ответ странный.

— Какой? — спросил сыщик.

— Слишком чистый для нижнего контура. Сканер показывает след пореза глубиной около трёх сантиметров на плече. Но маркер — «зарубцевалось». Покажи плечо, — сказала она Антону.

Антон расстегнул робу и показал еле заметный шрам. Он не думал об этом. Так было всегда. Он не болел. Никогда. Раны закрывались быстро. Он это не афишировал, но и не скрывал.

— Все давно прошло, — сказал Антон. Как и всегда.

— Рана была? — спросила Мира. — Или сканер ошибся?

— Была, — ответил Антон. — Обходчик задел, скотина. Зазевался.

— И что зажило? Три сантиметра?

— Через час где-то. Чешется только.

— Это очень быстро. Гораздо быстрее, чем у других.

— Да, быстро. Не знаю почему.

— Это проверяли?

— Да кому это надо?

Она не записала.

Сыщик тоже заметил.

— Запоминаешь? — спросил он.

— Да, — машинально ответила она, обдумывая что-то. — Хрен поймешь, как это прочтёт система.

Сыщик кивнул и подошел к столу. Снова показал планшет.

— Последний раз. Пояснение?

И положил планшет на стол перед Антоном.

На экране Антон увидел развилку:

1. Заявить свидетеля. Да/Нет.
2. Подтвердить показания, данные устно.
3. Отказаться от показаний.

И поле для отпечатка пальца.

— А если я не подпишу? — спросил Антон.

Мира сразу оглянулась на сыщика.

— Ничего хорошего, — сказал тот. — Получишь «отказ от ознакомления» и «отказ от сотрудничества». Маршрут все равно запустят. Только в более тяжелой графе.

— То есть это не согласие?

— Нет. Ты подтверждаешь, что видел основания. Можешь добавить пояснение. Можешь заявить свидетеля. Можешь не добавлять ничего. Но если оставишь поле пустым, система решит, что тебе уже нечего добавить.

Антон кивнул.

Теперь ясно. Подпись не убивала его. Она превращала его из субъекта в объект. Опрос окончен.

Антон спокойно поднял руку и палец завис над экраном. Тело ответило первым.

Горячий короткий толчок под грудиной. Не хочет умирать. Хочет увидеть рукав. Старого. Знакомый шум, холод. Дело. Жизнь.

Тело было сильным. Оно не просило пощады. Оно предлагало варианты: сказать, надавить, вырваться, взять шанс. Оно заметалось, как кошка на пожаре.

Еще можно было сказать одно имя.

Одно имя — и все это пойдет в другую от него сторону.

Когда страх пытается спастись, он всегда говорит о разумности.

Но он редко подсказывает — имеешь ли ты на это право.

Антон стряхнул эту нервозность с руки, как перчатку.

Он выбрал «Подтвердить показания» и завалидировал отпечатком.

Планшет пискнул.

Антон прочитал.

Ознакомление зафиксировано.

Пояснение: не добавлено.

Перепроверка маршрута: не затребована.

Свидетель: не заявлен.

Косвенные улики: достаточны.

И много других строк.

Мира смотрела на экран своего планшета. Ее лицо изменилось.

Сыщик тихо выругался.

— Сам, — сказал он.

Мира подняла глаза.

— Вы же понимаете, что это почти признание? — тихо спросила она.

— Да.

— Вы же нам не дали даже основания...

— Мира, хорош. Он выбрал сам, — сказал ей сыщик. — Давай закругляйся. И пошли, дел много. Там запросы уже отработаны наверное.

— Процедура не должна подменять смысл, — сказала она.

Сыщик посмотрел на неё долгим взглядом. Тяжело так посмотрел.

— Скажешь это комиссии, когда получишь жетон, — ответил он.

— Если получу.

— Будешь много болтать — точно не получишь. Давай пошли.

Он засобирался.

Но Антон видел, что вся эта развязка ее немного покорибила.

Ничего, молодо-зелено. Неплохая девчонка. Пообвыкнется.

Антон поднялся. Страж сделал полшага и развернул корпус. Он видел Антона раньше. Эти не видели.

Антон просто расправил затекшие плечи.

Мира удивленно смотрела на него снизу вверх. Было видно, что она не ожидала, что в нем столько силы.

Сыщик просто прищурился.

Антон подошел к двери.

Страж положил руку ему на плечо. Рука была теплая, как у человека, но негибаемая. Стражей не отличить от людей, пока он движением пальца не сломает тебе череп.

Перед выходом Антон остановился.

Он посмотрел на Миру.

— Забыл сказать. Запишите про удар.

— Какой?

— Я не быю сзади.

Страж вывел его в коридор.

Дверь закрылась.

Антон шёл по коридору. Страж шёл сзади.

Коридорный воздух после будки показался холодным и чистым. Антон вдохнул глубже, чем собирался. Он любил этот холод.

Пятьдесят два часа — это много. Может они смогут понять кому это все выгодно. И его отпустят. Но это вряд ли.

Тело пыталось втянуть его в диалог. Оно боялось.

Антон не стал с ним спорить. Пусть хочет жить. Оно для этого и сделано.

Он вспомнил последние строки, которые прочитал на планшете:

Упрощённая процедура социальной защиты активирова-

на.

Разрешённый маршрут: в пределах непрерывного визуального контроля.

Потеря визуального контроля: немедленное исполнение.

Правовая защита субъекта на срок задержания: приостановлена.

Срок до исполнения: 51:59:59.

Глава 3. Роман

16 часов 38 минут до убийства.

Роман понял, что платить Сезару нельзя, когда увидел сообщение с желтым флагом. Система запустила аудит. Маленький желтый треугольник выглядел безобидно. Он беззвучно появился и приклеился к кружку его учетной записи. Во входящих появилась строка-уведомление.

Роман не стал открывать.

Он дочитал отчет управляющего, всю рабочую переписку, ответил на все, что требовало его участия, подписал ордера и только потом открыл уведомление.

«Роман Эш, в отношении Вас инициирована процедура аудита личности. Срок процедуры аудита не ограничен — до получения результата. Причина проведения аудита: 1) обнаружен конфликт идентификаторов, 2) выявлена непрозрачность в записях о происхождении. Ваше участие на первой стадии не требуется. По окончании первой стадии Вы будете приглашены на опрос. Срок проведения первой стадии процедуры (анализ системных логов и опрос свиде-

телей) — 200 часов. Просьба не игнорировать вызов. Невяка может быть расценена как нелояльность. Также уведомя Вас, что будут опрошены члены Вашей семьи. Возражения на действия аудитора могут быть заявлены по истечении процедуры аудита.

Ваш аудитор — Сэмюэл Морган, 189 ярус, обработка сообщений обратной связи 8:00 — 16:00. Вызовы не принимаются.»

Сообщение выглядело безобидным. Стандартная проверка. Такие часто запускали по его рабочим проектам.

Но Роман ждал это сообщение двадцать лет. Поэтому текст читался как приговор.

Он знал, как это работает. Полный аудит родовой линии. Генетический анализ. Системные логи с самого рождения, анализ права на фамилию, анализ рабочей карточки. Источники происхождения средств. Договоры, переводы, допуски, должности и подписи. Проверка идет от настоящего в прошлое, и с каждым новым уровнем пространство для маневра сужается.

Потолок еще высоко. Его почти не замечаешь. Каждый час он будет опускаться на сантиметр. Можно продолжать работать, встречаться, планировать. Но через неделю его раздавит.

Он хорошо подготовился. Еще много лет назад. Он построил целую систему, усилил и обосновал каждый свой тезис. Аудит стал выглядеть обычной задачей. Если бы не Се-

зар с его тупым шантажом.

Аудит не возник сам по себе. Этот идиот запустил его своими сообщениями.

Сезар играл в его схеме усиливающую роль. До недавнего времени Сезар был верхним, с бизнесом и фамилией. Ему было выгодно вести дела с Романом. Все работало как часы. Но Сезар попался на какой-то мелочи и его спустили в мусор. Ему обрезали все связи и лишили ресурса. И там в мусоре, он, похоже, заметался.

Сезар стал проблемой. Один грязный хэш сам по себе ничего не доказывал. Но Сезар мог по капле добавлять материал. Строку за строкой. Сезар мало что знал про его дела, но он знал главное: кто такой Роман на самом деле и как он оказался наверху.

Падение Сезара вниз сделало процесс неуправляемым.

Аудит начнет двигаться не по специально подобранным документам и тезисам, а по показаниям Сезара. Давление потеряет равномерность и предсказуемость. Потолок просто уронят в какой-то момент.

Это будет равноценно смерти. Роман Эш исчезнет.

Его лишат фамилии, а значит, семьи. Фамилия Эш перестанет существовать. Жена сохранит свой статус. Сын — нет. Для системы он станет сыном человека, которого никогда не существовало. Их разлучат и спустят вниз. Активы конфискуют. Все, что Роман строил всю свою жизнь, превратится в выморочное имущество.

Двадцать лет его жизни, его несгибаемость, его решительность, все его победы — все будет просто временной ошибкой учета. А в основание этой ошибки ляжет чужой пропуск с подписью Сезара.

Роман оборвал эту мысль. Пропуск только открыл дверь. Всё за этой дверью он сделал сам.

Роман был спокоен. Он сдохнет, но всего этого не случится.

Он разучился бояться еще в детстве. Это все еще была задача.

Крайне сложная и опасная. Но задача.

Роман взял свой неаутентифицированный, «серый» планшет и вошел в r2r-переписку. Это устройство с черного рынка он использовал редко. Для особых контактов. Трафик шёл по цепочке безымянных служебных ретрансляторов, но шифровался напрямую между устройствами и не попадал на системные серверы. Там, где ретрансляторов не было, устройства связывались только напрямую.

Система читала все и видела все. Но кто-то и когда-то поставил для нее ограничения. И система будто перестала видеть некоторую часть человеческой активности. При этом ее «слепота» увеличивалась от яруса к ярусу сверху вниз. На верхних ярусах Колыбели — система видела все. Сотнями камер. Каждый миг твоей жизни. Преступность отсутствовала в принципе. Но на нижних ярусах система будто позволяла людям выпустить пар. Официальные записи шли в лог

как наверху. Но были и мертвые зоны. В этих мертвых зонах бурлила жизнь.

Роман был убежден, что это оставлено специально. Зачем — он не знал. Но и плевать. Важно то, что это можно использовать.

Роман открыл последнее скрытое сообщение от Сезара.

Узнал? Пришла пора вспомнить откуда ты родом. Мне нужны деньги. И срочно. Жду твоего предложения.

К сообщению был прикреплен короткий хэш его старого пропуска.

«Неплохо» — подумал Роман. — «Он давит, начал не с торга, чистый шантаж без позиции. Ему нужен мой страх. Он его получит. И сделает все, что мне нужно.»

В руках Сезара была не пустая угроза. Он владел всем. Копией старого пропуска, поддельным идентификатором — тем, что он сам сделал Роману в обмен на пропуск двадцать лет назад. Он знал Романа до перехода. И он держал ключ к личности Романа Эша. Почти всю доказательную базу. Остальные крохи были у робота. И у Антона.

Роман вытер ладонь о штанину. Мозг гнал в тело адреналин. Это мешает. Адреналин надо пережечь злостью.

Роман вызвал Сезара.

Тот ответил сразу.

На экране появилось худое лицо в темных очках. За спи-

ной Сезара ходил тусклый свет нижнего коридора. Изображение дергалось. Шифрованный трафик всегда давал помехи.

«Он в сушилке капсульного сектора.» — подумал Роман.

— Узнал? — повторил Сезар.

— Ты поднял аудит.

— Значит, узнал.

Сезар наклонился ближе к экрану.

— Никакого Романа Эша не было, — произнес он хриплым голосом. — Был мусорный щенок без фамилии. Отправлю остальное — аудит заберет твою фамилию, а следом все, что ты на нее записал. Раньше мне было плевать, но у меня здесь проблемы. Теперь ты — мой выход отсюда.

— Сколько?

Сезар улыбнулся. Верхняя губа у него была разбита и кровоточила.

— Проняло наконец?

Он назвал сумму и добавил:

— Каждую неделю.

Роман открыл рабочий экран и проверил остаток на счете. Один платеж почти ничего не менял. Десять уже закрывали два проекта. Если аудит растянется на полгода, придется продать большую часть ликвидных активов.

Платить он мог. Но это не вариант.

— Третий первого транша сейчас, — сказал Роман. — Остальное завтра, если не будет новых сообщений в откры-

том канале. Дальше раз в неделю, пока идет аудит.

Улыбка Сезара стала шире.

— Весь первый платеж сегодня.

— Треть. Ты уже дернул триггер и поднял флаг аудита. Ты запустил протокол. Мне сейчас надо срочно закрыть пару прорех. Поэтому треть. Но потом — как договорились. И еще. Есть одно незакрытое дело у тебя внизу. Его надо сделать. Без него наш договор — пустышка. Долго не продлится.

Сезар снял очки. Оба глаза были окружены желто-синими отеками. Один заплыл почти полностью.

— А если мне не понравится ждать?

— Если не терпится — попробуй. Отправь следующее сообщение. Тогда эта треть останется последним платежом.

Сезар прищурился здоровым глазом.

— Думаешь, мне нечем тебя дожать?

— Думаю, ты хочешь получить свои деньги, а не смотреть, как у меня их забирает аудит.

Сезар помолчал.

Роман перевел треть суммы. На той стороне экрана тихо пискнуло.

Сезар посмотрел в сторону, проверяя поступление. Когда снова повернулся к экрану, улыбки уже не было.

— Пришли, — сказал он. — Какое дело внизу?

Он проглотил наживку.

— Того, что у тебя есть, достаточно чтобы запустить

аудит, — сказал Роман. — Но это не весь компромат. Не только ты в курсе моей проблемы. Остался робот. Антон — молчун, пока не опасен. Но робот — другое дело. Если аудит выйдет на него — твой материал будет лишь вишенкой на торте. Меня спишут вниз и денег не будет.

Сезар снова надел очки.

— Что есть у робота?

— Записи. Все, с самого детства. Биометки, портрет, поведение, планы, факты. Все, что было до документов. Это надо забрать. Мне будет спокойнее, если единственным моим другом внизу останешься ты. Тогда все это имеет смысл. Всегда лучше, когда тебя шантажирует один человек, а не весь нижний ярус.

Сезар задумался.

— Где робот?

— Это знает Антон. Только он один.

— Этот не скажет. Отбитый. Редко в капсулах появляется. Не ночует никогда. Я к нему подходил. Знаю его козла с детства, так он даже пару слов не захотел сказать. Как с пустым местом. Урод.

Сезар сплюнул.

Он действительно не понимал почему с ним не хотят иметь дела внизу.

«Еще полгода и его затрамбуют там внизу. Таких не терпят.» — подумал Роман. — *«Но этого времени у меня нет.»*. Он ответил:

— Антон — вещь в себе. Ты его на самом деле не знаешь. Но это и не нужно. Его надо пошевелить. Он носит роботу батареи раз в неделю. Носил. Сейчас не знаю.

— Хрен ты его пошевелишь. Здоровый. И этот придурок смотрит сквозь меня.

— Ты неправильно с ним.

— А как правильно?

— Скажи при всех, что придешь с людьми и разберешь работа. Не проси. Просто сообщи.

— И он меня поведет?

— Нет.

— Тогда на хрена?

— Проверить, жив ли еще робот.

— Ты не знаешь?

— Откуда? Я знаю, как было раньше. Не знаю, что там сейчас. При личном разговоре Антон промолчит и уйдет. А вот угроза на людях — это не пустяк. Лишние уши — значит, тему уже мусолят в народе. А это первый звонок. Внизу круговая порука. Если старый уже отключен, Антон даже не моргнет. Если Антон сорвется или пойдет проверять — ты попал в точку. Тогда проследишь. Только подгадай, чтобы времени у него было мало. Лучше ближе к концу дневной смены. Он сможет пойти за роботом только ночью.

Сезар молчал.

— Прибьет он меня, — наконец сказал он.

— Не ссы. На людях он тебя не убьет. Даже не тронет.

Там в забегаловке камера. Я оплачу все издержки. И хорошо оплачу. Это мне нужно больше, чем тебе.

Сезар потрогал переносицу и поморщился.

— И что я получу за работа?

— В три раза больше каждую неделю. До конца аудита.

Сезар протер очки краем рубашки.

— Мои материалы остаются у меня?

— Что толку просить у тебя то, чего ты все равно не отдашь.

Сезар усмехнулся и сказал:

— Ты не меняешься.

Роман не обратил внимания на его слова. Надо добить вопрос.

— Мне нужен выломанный блок памяти. На спине слева. На корпусе номер. Пришлешь номер и принесешь сам блок — и со следующей недели ставка утраивается.

— А если там нет ничего?

— Останется прежняя ставка.

— А после аудита?

— Платежи закончатся. Ты неплохо зарабатываешь. Мы забудем эту тему навсегда.

Сезар не ответил сразу. Посмотрел на подтверждение первого перевода. Провел языком по разбитой губе.

— По рукам, — сказал он наконец. — Пока идет аудит.

Его глаза сказали другое. После аудита появится новая цена.

Роман сдержал улыбку.

— Договор. Пока идет аудит, — повторил он за Сезаром.

— Добро. Тогда я в столовую. Дождусь его там.

— Давай. Сразу потом — звони. Буду ждать.

Сезар отключился.

Роман откинулся на спинку кресла и посмотрел на желтый треугольник аудита.

Цель была ясна и неизменна. Сохранить свой статус и свою жизнь: имя, семью, достаток и право двигаться дальше. Можно было отказаться от борьбы: отдать фамилию, активы и право на собственную биографию. Тогда двадцать лет жизни пересчитают назад, до подаренного пропуска и подписи Сезара. Получится, что Роман Эш не построил себя — на него просто в свое время не обратили внимания и теперь исправляют ошибку.

Это не выход. Это согласие исчезнуть.

Роман не собирался соглашаться. Как двадцать лет назад. Как всю свою жизнь.

Он перебирал средства.

До поднятого аудитом флага у Романа было два пути.

Первый путь: выкупить у Сезара материалы. Дешевое, но рискованное решение. Или второй путь: прикормить Сезара здесь наверху. Найти ему место, где тот перестанет рыться в прошлом. Дороже, но надежнее.

Роман потихоньку начал реализовывать второй способ, но не учел неосторожность Сезара. Тот не собирался завязы-

вать с криминалом. Их общие проекты давали нормальный доход. Но Сезар любил риск и поплатился. Это все осложнило.

Теперь оба пути были закрыты. Сезар сам закрыл второй путь. Аудит закрыл первый.

Платить можно было месяцами, но каждый новый перевод делал Сезара опаснее. Он получил деньги. Зверь сам не отпускает добычу. Давить бесполезно.

Сезар должен быстро замолчать. Окончательно.

Но этого мало. Оставались робот и Антон.

Всё уже шло по аварийному плану. Главное — не подставиться самому.

Можно было нанять человека. Тот уберёт Сезара здесь, а через неделю сам исчезнет где-нибудь на другом ярусе. Два тела, два разных места, никакой связи. Роман сохранил бы алиби и не спускался вниз.

В обычной ситуации он бы так и сделал.

Но обычной ситуации уже не было. Сезар поднял аудит и мог отправить следующую строку в любую минуту. Чтобы поручить дело другому, надо: найти человека, проверить его, свести с Сезаром, подготовить оружие и отход. Потом отдельно подготовить смерть самого исполнителя. На это нужны дни.

Первый перевод купил сутки. Возможно, меньше.

Нанятый наспех человек мог ошибиться, заговорить или понять, сколько стоит его молчание. Роман получил бы но-

вого Сезара раньше, чем избавился от прежнего.

Нет, всю работу необходимо сделать самому. Как в былые времена.

И в этом случае остается то, что всегда следует за любым действием.

Следы. Его след во всем этом. Это самое важное.

Роман не верил в чистые схемы. Чистая схема — это карточный домик. Он существует только в головах наивных дураков и мгновенно рассыпается при малейшем дуновении реальной жизни. Невозможно не оставить след. Невозможно предусмотреть все. Рассчитывать, что ты нигде не наставишь — удел неудачников.

Умный человек строит перевес.

Системе надо дать груз, который перевесит все остальное. Она не ищет правды как человек. Она взвешивает.

Если потом всплывет переписка с Сезаром — не страшно. Отвечать надо так: не понял суть, какие намеки, попытка дешевого шантажа. В чем смысл шантажа — не успел выяснить. А если всплывает «серый» планшет и низовой канал — его обезвредит высокий рейтинг Романа.

А вот его следы... Только алиби. Без вариантов. Это перебьет все. Системе чужда психология. Свидетель и алиби — это флажок, который уже не проверяется.

Как сделать алиби так, чтобы не создать второго Сезара?

Нужен тот, кто заинтересован в его алиби также, как и он сам.

Роман стиснул зубы.

Логика выводила на счет, который требовал дорогой платы.

Но это решение. И похоже единственное.

Роман посмотрел на стену кабинета. Светила только настольная лампа.

На дорогом глянцевого покрытия стены он увидел своё отражение. Мужской силуэт. Сидит за столом и подпирает рукой подбородок.

На секунду вместо него на стене он увидел картинку из далекого прошлого.

Двое мальчишек в большой трубе старого дренажа. Грязные лохмы, рваные тряпки. Чумазные физиономии. Они сидели прижавшись плечами. Рядом по залу шла фасовочная машина. Металл трубы вокруг них дрожал. Мальчишка слева сказал, что когда-нибудь это все кончится. Они выберутся. Их место — не здесь.

Другой ответил:

— Зачем? Там все чужое. Мы потеряем даже то, что имеем здесь.

Тот что слева насупился и замолчал.

Теперь, прожив много лет, Роман мог ответить.

Затем, что здесь меня обязаны считать человеком. Здесь у меня есть имя и фамилия. Семья. Жена, которая любит. Ребенок. Сын, которому не приходится искать еду в отработанных контейнерах. Дело, которое делает меня живым. Без-

опасность и вес. Активы, возможности и связи. Уважение. Открытые двери. Мое время теперь стоит денег.

Ничего из этого ему никто не дал. Все у этой жизни он вырвал сам. На его месте сломался бы любой. Но не он. Чем сильнее мир давил, тем крепче становилась его решимость. Система не смогла его переварить.

Теперь весь этот долгий путь собирался перечеркнуть Сезар. Человек, который однажды уже потерял врожденный статус и решил, что может бесконечно красиво жить за счет того, кому когда-то помог.

Он просто не понял, с кем играет.

Давило только одно: выбор был необратимым. Средства достижения цели были грязнее некуда. Одно хуже другого. Но угроза должна исчезнуть. Здесь обсуждать было нечего.

Если удастся с Сезаром — система увидит Антона. Публичная ссора, идеальный мотив. Антон замкнется, замолчит ради работа, система увидит только его. Этот не станет покупать себе жизнь за счет другого.

Задача Сезара — заставить Антона защищать старого при свидетелях, а потом войти за ним в рукав. Если удастся еще и с Антоном — батареи никто не принесет. Через неделю-две память работа обнулится сама.

Закрыть обоих одним движением — лучше, но это идеальный расклад. Вероятность гораздо ниже. Это программа — максимум. Программа минимум — один Сезар.

Роман открыл расписание технических работ нижнего

контура. Быстро нашел рукав С-2968. Потом старую служебную галерею, которая по нынешней схеме упиралась в глухую стену.

Роман знал, что стены там не было.

До вечера Роман успел спуститься на 994-й, пройти к шахте со стороны 4-Т и оставить резак в нише. Вернувшись, он написал сыну и поставил ему встречу на поздний вечер.

Потом подошел к серванту, достал бокал и бутылку коньяка.

Налил себе на полпальца, отошел в угол комнаты. Сел в кресло и закрыл глаза.

* * *

Вечером Сезар прислал строку:

Слышало ползала. Он сказал: рискнешь — сам мусором станешь.

Роман прочитал и ответил:

Сегодня. Жди его в рукаве С-2968. Четвертый карман от входа. Не перепутай. Он войдет после 23:00. Не подходи, он не должен тебя заметить. Только проследи.

Сезар поставил отметку согласия.

Все. Можно начинать.

* * *

Ночь.

Два часа двадцать две минуты до убийства.

Сын пришел в старой куртке, как Роман и просил.

Куртка была ему маловата. Из рукавов торчали запястья. Даниель старался держаться спокойно, но каждые несколько секунд нервно озирался по сторонам.

— Маме что сказал? — спокойно спросил Роман.

— Что ты взял меня с собой на инспекцию. Новый объект, как ты написал.

— Она спросила какой?

— Да.

— Что ответил?

— Что не знаю.

— Хорошо.

Сын немного расправил плечи.

Даниель давно просил взять его с собой на работу. Ему было уже шестнадцать, и он хотел учиться. Не обычной показухе, а реальной жизни, чтобы стать как отец. Сын уважал его. Он видел как люди вставали, когда Роман входил в комнату. Сила всегда привлекает. Сын пока не походил на своих сверстников — пугливых и плаксивых мажоров, детей его знакомых по ярусу. Те, казалось, до конца жизни так не сумеют отлипнуть от юбки.

Даниель пришел на двенадцать минут раньше. Надел куртку, которую терпеть не мог. Не спросил, почему нельзя рассказать матери. Только повторил время и место, чтобы не

ошибиться.

Роман редко его хвалил. Он не любил дешевые улыбки. Сын это знал. Поэтому понял приглашение правильно. Это аванс.

Сын видел только ту часть жизни Романа, которую тот хотел ему показать. Но он чувствовал, что реальная жизнь отца намного шире официальных и семейных рамок. Об этом говорила его сила. Мать рассказывала, что отец начинал с нуля без поддержки и поднялся сам. Но без подробностей. Это будило разные фантазии, которые лишь придавали уважения. Сравнить его было не с кем. По крайней мере из тех, кого знал Даниель.

Сегодня отец впервые позвал его с собой.

Они стояли в темном зале технического отсека. Даниель был тут впервые.

Роман приложил маленькую карточку к стенной панели. Открылись не парадные двери лифта, а узкая сервисная створка в десяти шагах правее.

Из нее пахло металлом и горячей пылью.

— Здесь? — спросил сын.

— Здесь быстрее.

— Мы куда? До самых нижних?

— Не до самых.

Они вошли. В кабине не было привычных кнопок и зеркала. Только поручень, ржавая решетка пола и табло допуска над дверями.

Сын посмотрел на номер и спросил удивленно:

— У тебя есть такой доступ?

— Сейчас есть, — ответил Роман.

— А потом?

— Потом он мне не понадобится.

Двери закрылись. Кабина пошла вниз.

Сын улыбнулся. Его нервозность уже не бросалась в глаза.

— Что мне надо делать? — спросил сын.

— Ждать, — ответил Роман.

— И все?

— Все. Главное — не уходить, что бы ни услышал.

Улыбка пропала.

— Это опасно?

— Если сделаешь все как я сказал — нет. Я бы не стал подвергать тебя опасности. Для тебя это все не опасно.

— А для тебя?

— Если ты все сделаешь правильно — тоже нет.

Даниель кивнул. Ответ ему понравился. Роман сказал честную правду. Без сына риск был выше.

Сын встал рядом с Романом, чуть шире расставив ноги, и сцепил пальцы в замок на уровне солнечного сплетения. Роман усмехнулся: он узнал свою обычную позу на трудных переговорах.

Лифт шел быстро. Цифры над дверью менялись десятками. После девятисотого яруса кабину начало потряхивать. Сын перестал задавать вопросы и ухватился за поручень.

В конце им показалось, что они падают. Но сразу же кабину тряхнуло, раздался режущий уши скрип и кабина, притормозив, резко встала. Сын качнулся и чуть не упал. Двери начали рывками раскрываться.

Они вышли в коридор, где не горела половина ламп. Из дальнего рукава доносилась сирена санитарного цикла. Роман знал этот вой с детства: за пятнадцать минут до закрытия.

Сын оглядел черные потеки на стенах.

— Ты раньше здесь был?

— Был.

— По работе?

Роман посмотрел на него.

— Я всегда на работе. Привыкай.

Он пошел вперед. Сын догнал и пошел следом.

Роман не сверялся со схемой и шел по памяти. На первом разветвлении свернул влево, у насосной — вправо, потом прошел между двумя трубами, где приходилось пригибать голову. Коридор изменился, но его стены оставались на месте. Роман помнил не указатели. Он помнил повороты.

Сын больше не задавал вопросов. Только молча пригибал голову, когда Роман нырял в очередной темный проход, которого не было на карте. Он не смотрел в свой планшет и не отставал. Несколько раз Роман ловил на себе его взгляд. В нем не было сомнения. Только жадное желание запомнить побольше и когда-нибудь пройти здесь самому.

На седьмом перекрестке над ними с грохотом пронеслась первая мусорная магистраль. Пол дрогнул. Сын едва не выронил планшет. Он посмотрел на экран и удивленно сказал:

— Связи нет.

Он первый раз видел такое.

— Здесь ее нет и она тебе не нужна, — ответил Роман.

— А если что-то случится?

— Ничего не случится.

Сын убрал планшет.

Служебная галерея М-48 начиналась за тяжелой дверью с единственным датчиком. По новой схеме за дверью был тупик. До рукава С-2968 отсюда было двенадцать с лишним километров по действующим коридорам. Прямого перехода на карте не существовало. Датчик считал их чипы и пропустил их.

За дверью было жарко. Вдоль левой стены шли горячие трубы. Под полом ходил со скрипом какой-то привод. Каждые четыре секунды галерея вздрагивала, будто где-то рядом работал огромный расшатанный мотор. Воздух был наполнен мелкой металлической пылью. Она висела в свете ламп и садилась на одежду.

Они прошли до конца галереи.

Она действительно упиралась в стену. Старая карта на двери совпадала с тем, что видел сын: трубы, кабельные коробки, глухая панель в конце.

Роман подошел к панели и провел пальцами по стыку.

— Встань у этой панели.

Сын медленно подошел к стене.

— Что за ней?

— Старая сервисная шахта.

— Её нет на схеме.

— В этой жизни многое не пишут на схемах. Схема должна быть у тебя в голове. Твоя собственная. Понял?

Сын посмотрел назад в галерею, на дверь, через которую они вошли. Потом на отца.

— Это связано с аудитом?

Роман задержал на нем взгляд.

Соображает.

— Да, — ответил он сыну.

— Тебя хотят снять?

— Хотят проверить, имею ли я право оставить вам то, что построил.

Сын сжал губы.

— У них же не получится? Ты же сильнее?

— Да. Если сегодня все сделаем правильно.

— Я готов. Скажи, что я должен сделать.

— Молоток. Теперь к делу. Ты здесь вот зачем: я должен пройти кое-куда, но чтобы система думала, что я все время был здесь, вместе с тобой. В этом зале нет камер, система видит только то, что мы вошли. Для нее тут нет выхода, только вход. Я сейчас надену экран и уйду. Система будет думать, что мы здесь вдвоем. Потом я вернусь, сниму экран и мы

выйдем. Вопросы?

— А если спросят? Что мы тут делали?

— Хороший вопрос, забыл добавить. Пройдет немного времени и тебе на планшет придет запрос: где ты был в это время и с кем. Ты должен подтвердить, что мы были здесь вместе. Если спросят — что вы делали, скажи, что отец рассказывал о проектах, но не хотел, чтобы его случайно подслушали. Этого системе хватит. Все понял?

Даниель кивнул.

Роман достал экранирующий чип. Эта деталь с черного рынка в свое время стоила ему нескольких месяцев дохода. Но она того стоила. Тонкая черная пластина легла в ладонь. Он включил ее и поднес к тестовой панели.

Собственный номер исчез. Вместо него возникла машинная сервисная метка без имени.

Сын следил за руками отца.

— Что это?

— То, чего ты не видел.

Роман приложил пластину к предплечью. К тому месту, где под кожей находился вживленный чип, и примотал пластину к руке клеящей лентой. Теперь экранирующий чип глушил сигнал его собственного.

Он открыл сервисный лючок у самого пола, сунул руку и повернул ручку. Стенная панель вздрогнула и медленно ушла в сторону. За ней открылся узкий сервисный лаз с металлической лестницей.

Сын выдохнул. Все как он ожидал. Все как в приключенческих романах.

Тайный лаз. Дело, от которого зависела судьба семьи. Доверие. И он равный, взрослый. От него зависит успех. Это была лучшая минута его жизни.

— Стой здесь, — тихо сказал Роман. — И ни звука. Не садись. Не ходи по галерее. Не открывай наружную дверь. Я вернусь до полуночи.

— А если кто-то войдет?

— Никто не войдет.

— Но если?

— Скажешь, что мы проводили осмотр. Путевка и чертежи у отца. Это правда.

— Мы?

— Мы. Вошли сюда вместе. Я пошел вперед, но скоро вернусь. Ответишь только если спросят, понял?

Сын кивнул.

Роман вошел в темноту.

— Пап.

Он оглянулся на светлый прямоугольник лаза за спиной.

— Ты вернешься?

— Через полчаса.

— Я не об этом.

Роман посмотрел на сына. Тот стоял прямо, стараясь не показать, что ему страшно. Но он еле заметно дрожал.

— Вернусь, — сказал Роман. — Жди.

И начал быстро спускаться.

* * *

Спустившись, Роман посмотрел на часы. Минута в минуту. Все пока по плану.

Он стоял на полукруглой платформе глубокого колодца, который шел еще ниже. Света там не было, но Роман взял с собой фонарь. Этот глубокий ствол шахты пронизывал ярусы насквозь. Зачем его построили Роман не знал.

Роман подошел к нише в стене и достал ионный резак.

Он лежал там, где Роман оставил его днём. Короткая рукоять, широкая рабочая дуга, заряд на одиннадцать часов. Инструмент не имел рабочей бирки.

Рядом с нишей тянулся узкий кабельный кожух. Роман утопил скрытую тягу и повернул. Нижний край кожуха отошёл. За ним начинался тесный лаз. Роман протиснулся боком, прошёл несколько метров и выбрался в тупик технического коридора уже на 994 ярусе.

Роман включил резак на минимальную мощность. Ему не надо резать титан. И длина дуги не должна быть большой. Она должна быть достаточной. С легким гудением из рукояти плеснуло темной синевой, которая, задрожав, стабилизировалась. Лезвие выглядело как синяя полупрозрачная лента. Он выключил лезвие и убрал инструмент.

Он шел по коридору. Всё вокруг было знакомым и обычным. Как будто он никогда не покидал это место.

До четвертого кармана оставалось два поворота.

За стеной двигалась рабочая машина. По металлу прошла тяжелая волна. Роман остановился и дождался, пока звук уйдет вниз по рукаву.

В четвертом кармане сегодня не было машин. Расписание не менялось.

Он посмотрел на планшет. Связи не было. По обычному каналу. По зашифрованному каналу связь была максимальной. Планшет Сезара был рядом, рукой подать.

Ты вошел? Он там?

Ответ Сезара пришел мгновенно.

Да. Он идет впереди. Вроде во второй карман. Не видит меня.

Роман посмотрел на время.

23:46.

Роман набрал:

Не подходи к нему. Иди в четвертый карман. Стой там и слушай. Если заговорят — ВСЕ. мы нашли.

Сезар ответил:

Хорошо.

Роман слышал шаги. Он поморщился.

Сезар шел осторожно, но хруст под его ногами звучал ритмом шагов и разносился по всему рукаву. Странно, что Антон еще не слышал. По мусору надо ходить рваным ритмом, стараясь при этом попадать в шум работающих механизмов. Надо ускориться.

Роман присел за завалившейся на стену пластиковой панелью. Несмотря на темноту Роман видел весь четвертый карман. Сезар не мог его увидеть. Он был из верхних. Без приборов они не умели ясно видеть в этой темноте. Чужая среда.

Сезар появился через три минуты. Остановился у темного прохода и посмотрел в планшет. Экран был слишком ярким.

Дебил. Его же видно за километр. И странно, что он сам хоть что-то видит.

Роман еще раз взглянул на время.

23:49.

На экране Сезара он увидел свое последнее сообщение.

Сезар оглянулся в сторону второго кармана. Оттуда не доносилось ни звука.

Он остановился и присел.

Роман вышел из своего укрытия. Он подошел и встал прямо за спиной Сезара.

Сезар не слышал. В этот миг под полом снова включился

привод. Галерея и рукав вздрогнули. Гул забил шаги.

Роман включил резак.

Стены вокруг осветил синий отблеск. Сезар успел только чуть повернуть голову.

Роман ударил снизу вверх, наискосок, под левую лопатку.

Сопrotивления не было. Как будто махнул по воздуху. Запахло озоном. Спина Сезара первую секунду выглядела как обычно. Потом она раскрылась как цветок. Резак прошел через ребра и позвоночник. В центре раны была узкая дыра — резак прошел тело насквозь. Не пролилось ни капли крови. Тысячеградусная дуга мгновенно запекла всю кровь. Тело Сезара на секунду выгнулось, обмякло и повалилось.

Роман поймал его за ворот и медленно опустил на слой мусора под ногами. Голова Сезара моталась как на веревке. Роман отвёл её в сторону и уложил тело.

Подождал три секунды.

Его тело отозвалось неприятной дрожью в правой кисти. Роман сжал пальцы, разжал и взял планшет.

Работа не закончилась.

Роман ткнул резакoм в то место на планшете, где размещалась шина памяти. После с силой ударил рукоятью по экрану и еще раз — по гнезду локального хранилища.

Остался маячок, но он мелкий как зернышко. Не найти. Только если сжечь этот планшет. Хрен с ним. Времени нет. Локальная память уничтожена. Есть еще сетевой журнал. Но там только факт связи, а связь с шантажистом можно объяс-

нить шантажом. С Сезаром все.

Свой планшет уничтожить нельзя. Хэш уже остался в сетевом журнале. Если устройство исчезнет сразу после убийства, обычный контакт превратится в сокрытие улики. Планшет должен вернуться в привычный ящик стола.

Планшет Сезара он бросил в глубокую лужу у стены.

Из второго кармана донесся скрип металла.

Роман замер.

Потом послышались шаги Антона. Медленные, тяжелые. Он уходил из рукава.

Между ним и Антоном было метров сорок, изгиб рукава прямо у второго кармана. Антон его не заметит ровно до того момента, как Роман появится в трех шагах за его спиной. Лучшее момента не будет.

Роман бесшумно пошел вперед.

Шаги остановились.

Роман встал.

Прошла секунда. Еще одна.

Антон двинулся к выходу.

Роман обошел изгиб стены и увидел его спину. Пятнадцать шагов. Сейчас опять заорет привод. Будет шумно. Две секунды бега.

Один удар и дело сделано.

Одним движением — две задачи. Как и было задумано.

Роман стоял и смотрел на спину уходящего Антона.

Среда.

Глупое слово. Из детства. Из этого грязного рукава, из ржавого света, из старых машин, которые не умели хотеть и потому не умели предавать. Роман ненавидел эти машины и их законы. Презирал их. Нет задачи — не двигайся. Среда должна жить. Тупые законы мусора для мусора.

Но Антон был частью этой среды. И его братом.

Роман вспомнил как они в ужасе убегали от мешателя и как Антон вернулся за ним когда он споткнулся. Не побоялся. Это было очень давно. Сверху это казалось далеким прошлым. Но здесь внизу все вернулось. Детские воспоминания разбудили уснувшую память и отозвались болью в груди. Такого раньше никогда не было.

Роман беззвучно выругался одними губами.

Рука не пошла. Он не сумел.

Слабость.

Не милость. Не память. Не братство.

Слабость. Он проявил слабость.

Роман почувствовал к себе почти физическую брезгливость. Он двадцать лет поднимался вверх, чтобы больше не подчиняться законам старого рукава, и все равно остановился на глупой детской черте, которую сам же презирал.

Он не смог это сделать своими руками. Чистоплюй. Давно такого не случалось.

Роман подумал минуту.

Шаги стихли.

Надо закончить. Не доделать — значит не сделать вовсе.

Все по плану, просто план немного изменился.

Роман посмотрел на лежащего Сезара.

Даже сейчас Антон сделал то, что делал всегда. Услышал странный стук, но не полез туда, куда не звали.

Роман взял тело Сезара под мышки и протащил к ферментному желобу. Серое месиво дымилось от реакции. Он разрезал пленку, столкнул Сезара внутрь, нажал подошвой, чтобы тело погрузилось, и накрыл все сверху тяжелым влажным пластиковым листом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.